

В.И. Аннушкин

**О преимуществах русского слова.
Речь Н.Ф. Кошанского 19 октября 1811 года.**

Учебное пособие

Москва

2014

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Была или не была «Речь» Кошанского – вот в чём вопрос!	3
19 октября: как это было?	5
Принципы публикации	10
Н.Ф.Кошанский. О преимуществах русского слова. Факсимиле.....	14
Н.Ф. Кошанский. О преимуществах русского слова. Текст в орфографии и пунктуации оригинала	36
Н.Ф.Кошанский. О преимуществах русского слова. Текст в современной орфографии и пунктуации.	49
Николай Федорович Кошанский. Очерк жизни и творчества.	61
Библиография трудов Н.Ф. Кошанского.....	71
Библиография трудов о Н.Ф. Кошанском.....	74

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Была или не была «Речь» Кошанского – вот в чём вопрос!

Цель настоящей книги – научная публикация текста «Речи, произнесённой Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности» 19 октября 1811 года (?) на тему «О преимуществах русского слова». Её содержание столь занимательно, а стиль ранне-пушкинской эпохи, который отразится в лицейских творениях главного подопечного Кошанского – вначале «смуглого отрока», затем первого «победителя-ученика», – столь выразителен, что знакомство с текстом выдающегося словесника-педагога представляется весьма актуальным.

Публикация текста не может не иметь научного комментария, и автор публикации хотел бы представить читателю возможность самому разобраться в особенностях орфографии и пунктуации пушкинского времени, поэтому ниже предлагаются три версии текста: 1) факсимиле «Речи» Н.Ф. Кошанского, 2) дипломатическая публикация, воспроизводящая все особенности орфографии и пунктуации оригинального текста, 3) современная публикация текста с возможностями перевода текста пушкинской эпохи в современную графику с соответствующими изменениями в орфографии и пунктуации.

Главный вопрос: была ли речь Н.Ф. Кошанского произнесена вообще? Дело в том, что, как будет показано ниже, большинство мемуаристов 19 октября не вспоминают лекционной речи Кошанского. Если она только «готовилась к церемонии открытия» (как пишут некоторые исследователи), то почему была отменена? Неужели по причине всегдашней российской импровизированности, внезапной отмены подготовленной «Речи» в присутствии высших особ?

Для того чтобы разобраться в истории данного текста, придётся обратиться не только к тексту самой речи и содержащей её книге, но попытаться восстановить события 19 октября 1811 года – великого (без преувеличения!) дня в истории русского образования. Как покажет документальный анализ книг-источников (пока мы пользовались только ими), здесь оказывается больше белых пятен, нежели ожидалось. И это несмотря на то, что всего лишь несколько лет назад 200-летний юбилей Лицея с таким размахом был отмечен в нашей стране и за её пределами, а сам день реконструирован в стенах Царскосельского музея города Пушкина. Впрочем, скорее, нам следует не унывать по этому поводу, а напротив, вооружиться пушкинскими строками «О, сколько нам открытий чудных готовит просвещения век...»

Публикуемая «Речь» Н.Ф. Кошанского хранится в Музее книги РГБ в разделённой пополам книге, содержащей документы Торжественного открытия Царскосельского лицея 19 октября 2011 года. Не исключаем, что многое должно прояснить внимательное прочтение самих названий, вынесенных на титульные листы обеих частей. Хотя без сомнения все сочинения имеют прямое отношение к открытию Лицея, первая часть имеет название ««Речи, произнесенные при открытии Императорского Сарскосельского лицея в присутствии Его Императорского величества и Августейшей фамилии. Октября 19 дня 1811 года. Санкт-Петербург. В Медицинской типографии 1811 года». Эта часть книги содержит :

- 1) Обращение директора Лицея статского советника Малиновского. (Нач.) «Всеавгустейший монарх!...» – с. 1-2 ;
- 2) «Наставление воспитанникам, читанное Александром Куницыным, адъюнкт-профессором нравственных наук» (с. 3), текст: «Наставление воспитанникам (название). (Нач.) «Образование ваше до ныне было одним из важнейших занятий родителей ваших...» (с. 5-12).
- 3) Вторая часть книги, существующая отдельно, имеет название: «О преимуществах русского слова. Речь, произнесенная Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором русской и латинской словесности ...» (с.13)

На с. 14 – латинский эпиграф «Vera gloria ...»

Затем сама «Речь» Николая Кошанского, начинаемая словами «Юные россы!..» - с. 15-26;

- 4) «Песнь на открытие Лицея в Сарском селе» - С. 27-32 (автор Н.Кошанский);
- 5) «Хор» (также на открытие Лицея) – с. 33-34 (автор Н. Кошанский).

Итак, имеются не только «Речь “О преимуществах русского слова”», но также принадлежащие Н.Ф. Кошанскому пространная «Песнь на открытие Лицея» и краткий «Хор» в трех куплетах. «Песнь» имеет в названии приписку «на открытие Лицея». Исполнялись ли последние музыкальные произведения? Если исполнялись, то кем и когда?

Очевидно, что отличие двух частей в том, что первая «произносились в присутствии Его Императорского величества и Августейшей фамилии 19 октября 1811 года», а вторая имеет только название – «Речь, произнесенная...», но о времени и месте произнесения ничего не сказано.

Вопрос: когда же была прочитана эта речь? Кем и почему она была отделена от первой части, потребность в публикации которой была очевидна? Читалась ли эта речь 19

октября или, может быть, стала первой лекцией, прочитанной лицеистам в стенах их Alma mater? А, может быть, она так и осталась печатным текстом, не озвученным никому и никогда?

Конечно, содержание «Речи» Н.Ф. Кошанского столь занимательно, что она не могла не интересовать как современников «смуглого отрока», так не может не трогать и нас с вами, поскольку в ней живо представлены весьма занимательные мысли и идеи о «преимуществах» русского языка, а это как раз и было то, к чему сегодня готовится российская филологическая общественность: как относиться к русскому языку и как он будет развиваться? Содержание лекции Н.Ф. Кошанского отражает и тот патриотический подъём, который существовал в обществе накануне Отечественной войны 1812 года. Чтобы точнее разрешить наши гамлетовские сомнения, попытаемся восстановить события 19 октября 1811 года – день, о котором (уверено большинство из нас!) всё должно быть известно, во всяком случае, писано-переписано...

19 октября: как это было?

19 октября 1811 года – великий день для истории России, её образования и культуры. Каждый россиянин знает: в этот день был открыт Царскосельский лицей. Событие, с которого начинается образование нашего великого гения Пушкина, других выдающихся людей Отечества, ставших образцами дружбы, служения Отечеству, правде, всему доброму и светлому, что окружает и держит нас в этой жизни.

Есть артефакты, которые всем хорошо известны и повторяются из одной книги в другую, из одного учебника в другой, а ныне – из сайта в сайт. Их образцовый перечень подается с большими или меньшими подробностями, однако он неизменен. Видимо, так и должно быть в основаниях культуры: некоторый состав сведений является основным для изучения в школе, именно на его основе создаются школьные спектакли, посвященные Лицею, лицейской дружбе, «прекрасному союзу» и т.д..

Современный Интернет выразительно показывает, что состав сведений о 19 октября 1811 года ограничен элементарными сведениями, почерпнутыми (самое большее!) – из сокращённого пересказа книги В.П. Авенариуса, первого биографа Пушкина¹ - вот наиболее пространный перечень событий 19 октября из всех просмотренных сайтов при «поиске» данной темы. В.П. Авенариус же, в свою очередь,

¹ Авенариус В.П. Отроческие годы Пушкина. М., ИТП «Новелла», 1993. 176 с. До 1917 г. книга переиздавалась 5 раз.

пользовался воспоминаниями И.И. Пущина, написанными тридцать лет спустя после самого события:

«На торжественном открытии Лицея 19 октября 1811 г. присутствовали Александр I, его семья, самые знатные и влиятельные люди России. В центре зала стоял покрытый красным сукном стол и на нем лежала грамота об учреждении Лицея. По одну сторону стола стояли лицеисты вместе с директором В.Ф. Малиновским, а по другую – профессора. За столом сидели почетные гости во главе с императором Александром I.

Директор Лицея В. Ф. Малиновский произнес торжественную речь, а затем к воспитанникам обратился профессор Куницын. Его выступление лицеисты с благодарностью вспоминали всю жизнь.

После торжественной церемонии для мальчиков был устроен обед, а для гостей – осмотр помещения Лицея. Вечером все радовались великолепному фейерверку.» (Сайт rosimperija.info/post/961 копия; www.opeterburge.ru)

Очевидно, что это сокращённый пересказ книги В.П. Авенариуса. Приведём данное описание полностью, чтобы отследить всех выступавших (по его версии) на торжественной церемонии.

«После освящения Лицея духовенством «остались одни светские власти». «В большом лицейском конференц-зале был поставлен между колоннами стол, покрытый до полу красным сукном с золотой бахромой. Справа от него встали в три ряда лицеисты, с директором, надзирателем и гувернерами во главе; слева – профессора и чиновники лицейского управления. Для сановных гостей было отведено все остальное пространство зала, уставленное рядами кресел и стульев».

Обратим внимание на то, что В.П. Авенариус создает художественно-документальное повествование. Подобно Н. Эйдельману, написавшему блестящую по стилю книгу, он «не слышит, только угадывает», но, согласно тексту, «слышит» и «взволнованный, неестественно-высокий фальцет» Мартынова, и видит «побледневшего, как полотно» Малиновского и словно переносится в зал, где «можно слышать полет мухи», когда произносит свою речь Куницын².

Согласно описанию В.П. Авенариуса, на торжественном открытии Лицея выступили:

² Там же. С. 71.

- 1) Мартынов, прочитавший манифест об утверждении лицея;
- 2) Директор Малиновский с приветственной речью;
- 3) Профессор Кошанский, зачитавший список начальствующих лиц и воспитанников;
- 4) Профессор Куницын с речью

Речью Куницына заключился акт открытия лицея.³

Другие сайты обычно ограничиваются указанием на речь Куницына:

«Наиболее ярко образ выпускников Лицея был очерчен в знаменитой речи [на открытие Лицея 19 октября 1811 года адъюнкт-профессора нравственных и политических наук Александра Петровича Куницына](#). Речь Куницына — программная, она о будущем высоком предназначении воспитанников, об обязанностях гражданина и воина, о том, каким должен быть государственный человек. Молодой профессор нарисовал портрет государственного человека, которого должен воспитать Лицей.» [Царскосельский Императорский Лицей - Социальная сеть города Пушкин... tsarselo.ru/content/0/read389.html](#) [копия](#)

И в самом деле Пушкин писал спустя ровно двадцать пять лет 19 (31) октября 1836 года:

Вы помните: когда возник Лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын.
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей.

/А. С. Пушкин, «Была пора: наш праздник молодой»/

³ Там же. С. 73.

Понятно, что Пушкин отмечал самые яркие впечатления лицейской юности: во-первых, сам «чертог царицын», т.е. Лицей; во вторых, царь, открывающий Лицей; в-третьих, Куницын – среди царственных гостей. Иначе и быть не может в поэтическом тексте: акцент сделан на самом ярком и запомнившемся.

Историки, пушкинисты-исследователи и педагоги уже сделают особый идеологический акцент только на Куницыне как символе бескорыстной смелости, поскольку он ни разу не упомянул имени государя. Вот образец такого рассуждения: «Ещё один важный урок получили лицеисты на торжественном открытии Лицея. Его преподавал адъюнкт-профессор нравственных и политических наук Александр Петрович Куницын, подведший итог программной речи словами: «Любовь к славе и отечеству должны быть вашими руководителями». Присутствующие, в том числе подростки, обратили внимание на то, что в присутствии Александра I оратор ни разу не упомянул государя, что было случаем небывалым, так как лезть в адрес власть имущих везде и всегда считалась и считается уместной. И ещё стало известно воспитанникам: приятно удивлённый император на следующий день прислал Куницыну Владимирский крест. Выходило, такой поступок поощряется, как доблесть, как поступок чести. Это запомнилось лицеистам на всю жизнь.» *Сергей Сокуров. Ода Лицею. Лицей (с большой буквы)* Портал для российских соотечественников «Русский век». <http://www.ruvek.ru/?module=articles&action=view&id=6211>

Странно: почему мы думаем, что «лезть в адрес власть имущих везде и всегда считается уместной» и именно когда отступают от этой традиции, власть имущие награждают «отступников»? Скорее всего, государь действительно отметил Куницына за содержание и произнесение его речи и, а вовсе не за то, что тот ни разу не упомянул его имени. За «неуместность» крестов не дают: видимо, дело было в самом выступлении, его содержании и произнесении – налицо были искренний пафос и ораторское мастерство адъюнкт-профессора. «Любовь к славе и Отечеству должны быть вашими руководителями» - итог его программной речи... Когда вы прочитаете текст Кошанского, то увидите, что эти мысли звучат у последнего ещё более выпукло.

Так что же Кошанский? Выступал он или только зачитал список воспитанников? Исполнялись ли написанные им «Песнь на открытие Лицея в Сарском селе» и «Хор»? Сошлемся на редкие и, к сожалению, противоречащие друг другу утверждения специалистов относительно этого волнующего нас вопроса. Вот что пишет Екатерина Добровольская, специалист отдела музейной педагогики Всероссийского музея А.С.

Пушкина, в «Царскосельской газете» № 15 (9920) 14-20 апреля 2011 года: «Николай Федорович сразу стал сподвижником директора В.Ф. Малиновского, был избран секретарем Конференции Лицея и деятельно включился в работу: составлял планы распределения учебных часов, подбирал книги, необходимые для занятий, **готовился выступить на церемонии открытия**» (выделено нами – В.А.).

Но выступил ли Кошанский с лекцией? Таинственная фраза Е. Добровольской «готовился выступить», скорее, говорит о том, что «готовился», но не «выступил». Почему? И какую роль теперь отвести его замечательной речи «О преимуществах русского слова»?

Впрочем, имеются и другие мнения, правда, в обоих случаях мнения остаются без аргументации. В «Сводном каталоге русской книги. 1801-1825» процитирован 3-х-томник «Русские писатели, 1800-1917», где сказано о «Речи» Кошанского следующее: «Публикация лекции, произнесённой на торжественном открытии Александровского лицея и стихотворений, предназначенных к прочтению, но не произнесенных».⁴ Действительно, произнесение «Речи» заняло бы около пятнадцати минут и его вполне можно представить в композиции открытия Лицея.

А ргорос скажем, что многие мнения наших литературоведов (особенно придерживавшихся либерально-революционныз взглядов) нуждаются в серьёзной проверке. Так, Л. Михайлова, восстанавливая и отстаивая авторитет директора В.Ф. Малиновского, писала о 19 октября: «Злополучная история с речью, которую произнес директор при открытии этого учебного заведения [4], привела к созданию ложной исторической репутации В.Ф. Малиновского (с легкой руки И.И. Пущина), и долгое время человек, стоявший у истоков самого прославленного впоследствии учебного заведения, незаслуженно оставался в тени, и объективно его деятельность стала оцениваться только в XX столетии современными исследователями. Лучше понять личность этого незаурядного человека позволяет понять его биография».

Странное дело: нам приходится отстаивать «историческую репутацию» директора Лицея Малиновского, потому что наши революционно-либеральные убеждения остались прежними и всякого человека, осмелившегося сказать нечто в защиту Бога, царя и Отечества, мы по-прежнему берём под сомнение.

⁴ Сводный каталог русской книги. 1801-1825. Т. 2. Е-Л. М., 2007. С.; Русские писатели, 1800-1917: биографический словарь // редкол. П. Николаев (гл. ред. и др.). М., Сов. Энци., 1994. Т. 3. С. 117.

Что же это за «злополучная история»? Оказывается, это то впечатление, которое произвело Открытие Лицея на мальчика Пушкина, которому, конечно, не могла не показаться скучной церемония открытия, тем более затянутая, как это часто бывает в российских торжественных собраниях.

Вот и Кошанский, видимо, получал такую же характеристику ретрограда и консерватора в ещё недавних описаниях педагогов Царскосельского лицея, хотя публикация главного сочинения его жизни «Общей и частной реторики»⁵ ясно показывает, что его научная концепция русского языка и словесности и есть та самая «энциклопедия русской жизни и образования» того времени, призывавшая его учеников быть преданными сынами своего Отечества.

Так или иначе, перед нами текст как вполне ясное свидетельство тех мыслей и слов, которыми благословлялись вступающие в Царскосельский лицей ученики – «Речь «О преимуществах русского слова», произнесённая Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором русской и латинской словесности», возможно, 19 октября 1811 года. Очевидно, что лицеисты читали её (когда слышали, оставляем под вопросом), а самому тексту «Речи» должна быть дана новая оценка как выдающемуся произведению русской научной и общественно-педагогической классики. Такой же оценки заслуживает и Николай Федорович Кошанский, ее автор.

Принципы публикации

Итак, ниже воспроизведены три облика текста «Речи» Н.Ф. Кошанского:

- А) факсимиле;
- Б) дипломатическая публикация оригинального текста пушкинского времени;
- В) современная публикация текста с возможностями перевода текста пушкинской эпохи в современную графику с соответствующими изменениями в орфографии и пунктуации.

А) Текст «Речи», публикуемый факсимиле, воспроизводит основные особенности оригинала, в отдельных местах он бледен, например, внизу с. 16 оригинала, но, тем не менее, прочитываем.

Б) Публикация в орфографии и пунктуации пушкинского времени необходима, чтобы точнее воспроизвести те необычные свойства текста, которые покажут

⁵ Кошанский Н.Ф. Риторика. Издание подготовили В.И. Аннушкин, А.А. Волков, Л.Е. Макарова. М., Кафедра; Панорама. 2013. 320 с.

современному исследователю-читателю особенности текстов начала XIX века. Данная публикация позволит современному читателю ясно представить, какими были правила орфографии и пунктуации двухсотлетней давности.

В) Затем выполнена публикация в соответствии с современными правилами орфографии, пунктуации и оформления текста, которые структурируют и формируют текст в удобочитаемом и понятном для читателя виде. Они, к тому же, соответствуют стремлению публикаторов сохранить и передать авторский стиль в предъявлении текста. Сохраняются, где возможно, внешний вид текстов, правописание отдельных слов, сокращения, кавычки, курсив, разрядка... Все это нацелено на выполнение главной задачи – представить текст, максимально соответствующий замыслу автора с сохранением его смыслового содержания и возможных оформительских акцентов.

При этом сделаны следующие изменения или сохранения авторского текста при воспроизведении «Речи» Н.Ф.Кошанского (в стихах авторские формы слов, как правило, сохранены, чтобы не нарушать ритма или рифмовки текста):

I. Орфография

1. *і* заменен на *и*.
2. *ѣ* в конце слов, оканчивающихся на твердый согласный, упразднен.
3. *ѣ* изменен в *е*.
4. Слова с приставками *бес-/без-, рас-/раз-* отредактированы по правилам современной орфографии. У Кошанского: *безпрестанно, разсуждаются*,
5. Окончания прилагательных заменены в соответствии с нормами современной орфографии. Например:
 - а) окончания им. п. мн. ч. на *-ья, -ия* (например, *однозначащия, мрачнья, сладкия, ранния*) – на *-ые, -ие* (*однозначащие, мрачные, сладкие, ранние*) при том, что в большинстве случаев окончания в тексте на *-ые, -ие* (*юные россы,*
 - б) окончания на им. п. ед. ч. на *-ой* (*руской*) на *-ий* (*русский*);
 - в) окончания род. п. ед. ч. на *-аго* (например, *российскаго, государственнаго*) – на *-ого* (*российского, государственного*).
6. Слова в орфографии пушкинского времени в отдельных случаях приведены в соответствие с современными орфографическими нормами, например: искусство – искусство. В других случаях сохраняются формы слов начала XIX века, чтобы сохранить стиль пушкинского времени. Так, варианты слов *свободою, важностию, быстротою, судьбою вашею, с потребностию и способностию и т.д.* сохраняем такими, как они приведены у автора. Как правило, они имеют полногласие.

7. В тексте Н. Ф. Кошанского необычно написание слов с прописными буквами. С прописной буквы начинается написание следующих групп слов (в тексте «современной» публикации они приведены в соответствие с правилами современной орфографии):

а) слова, связанные с царствующей фамилией, например: *Царь, Августейший Монарх, Августейший Трон, Престол, Меценат, Жена (о Екатерине Великой), Высочайшая воля Августейшего Монарха, Державный Внук, Монархини Великой Внук, Властитель Севера на вас Свой взор низвел,*

б) религиозные термины: *Промысл, Десница, Творец, Храм, Невидимый, Сам Невидимый Отец, Вседержущий.*

в) слова, называющие лиц по профессиям или семейным связям, например: *Герои, Мужьи, Бард, Поэт, Родители, Наставники;*

г) названия национальностей и понятий, связанных: *Росс, Камчадалъ и Руской, Англичанин и Индеецъ, Грек, славянский, Российский*

д) названия наук и искусств, например: *Словесность Российская, Науки, Храм Наук, Музы;*

е) термины античности: *Музы и Грации, Эроты и Зефиры, Афинская Богиня;*

ж) нравственные понятия, образующие личность воспитанников: *Воспитание, Неопытность, Невинность, Послушание, Смиренье, Усердие, Соревнование, Труд, Опыт;*

з) слова, обозначающие природные явления: *Природа, Эхо;*

и) слова, связанные с патриотическими или государственными понятиями: *Отечество, Мужьи Совета.*

8. Слитные / отдельные написания приводятся в соответствии с современной орфографией:

- *неистребится* → *не истребится*; *от ныне* → *отныне*.

9. Написания через дефис, особенно в словах двусоставных: *одно-значащая, все-объемлющая, быстро-текущая плавность, серпо-когтистый орёл, черно-кудрявый лес, бело-власые степи, громы огне-крылы*, как правило, сохранены.

10. Написания некоторых слов приведены в соответствие с современными написаниями: *Руской* → *Русской*, *Еллады* → *Эллады* (имеется и современный вариант *Эллада*).

11. Не изменены устаревшие формы, требующие сохранения вследствие рифмовки или сохранения ритма стиха: *покров гостеприимной* (рифмуется с «любовию взаимной»); *царство красоты цветущия Природы*.

II. Пунктуация

Пунктуация приведена в соответствие с нынешними правилами. При этом основными изменениями являются следующие:

1. Двоеточие ставится перед союзами НО в сложносочиненных предложениях и перед союзами в сложноподчиненных, а когда главное предложение отделяется от придаточного союзами ИБО, КОГДА, ЕСЛИ...ТО и т.д.:

- перед противительным союзом НО, например: *...сего было бы довольно для душ обыкновенных, рожденных к простой, безызвестной жизни: но вы, юные питомцы!..*
- перед союзом ИБО: *Действуют: ибо дар слова есть дар познания...;*
- в придаточном условном с союзом ЕСЛИ... ТО: *если справедливо, что близкимъ къ совершенству почитается тотъ языкъ, въ которомъ есть обиліе словъ и выраженій...; то мы можемъ справедливо и торжественно сказать, что слово Россійское ближе и удобнѣе къ совершенству, нежели всѣ языки иноплеменныхъ.*

2. Точка с запятой может ставиться при перечислении однородных членов:

Принесите жъ благодарение Промыслу; обнимите во глубинѣ души съ благоговѣніемъ Десницу, вась хранящую...,

Или в стихах:

*...Ты щолкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь въ голосахъ;
В забвеньѣ души ты приводишь
И отзываешься въ сердцахъ.*

*...«Придите кроткіе съ Афинскою Богиней,
Несите всѣ дары и счастье съ собой;
Здѣсь узрятъ образъ вашъ древа во влагѣ синей;
Прохладу принесетъ вамъ вечеръ голубой;*

*...От вопля ихъ дубравы воютъ;
Они стопами землю роютъ;
Уже съ нихъ сыплеть потъ, какъ градъ;
Уже въ нихъ сердце страшно бьется...*

В другом случае можно говорить о разнообразии в знаках препинания, когда перед ИБО поставлена точка с запятой, а перед НО – двоеточие. Ср.: *Твореніями ли странъ*

чуждыхъ? Подлинно онѣ велики и достойны вниманія; ибо собраны вѣками и продолжительною опытностію: но Россія единымъ столѣтіемъ, какъ единымъ шагомъ ихъ достигла.

~~17342
687~~

**ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ
РОССІЙСКАГО СЛОВА.**

РѢЧЬ,
ПРОИЗНЕСЕННАЯ

Николаемъ Кошанскимъ

**Докторомъ Философіи, Надворнымъ Совѣтникомъ и Про
фессоромъ Россійской и Латинской Словесности.**

**Vera gloria radices agit atque etiam propagatur; ficta omnia tanquam flosculi
decidunt, nec simulatum quidquam potest esse diuturnum.**

Cicero de Oratore.

Ю Н Ы Е Р О С С Ы !

Торжествуя день сей, залогъ славы и благоденствія Россіи, предъ взоромъ Августѣйшаго Монарха, предъ лицомъ Опечесства, дадимъ обѣщаніе сердець нашихъ, что мы исполнимъ упованіе, Монархомъ и Опцемъ Опечесства на насъ возлагаемое; оправдаемъ призваніе наше и совершимъ надежду сладкую для родителей и попомковъ. Но какимъ образомъ? . . .

Быть кропкимъ и послушнымъ, питать любовь къ Богу и Монарху; образоваться умъ науками, а сердце добродѣтелью — сего было бы довольно для душъ обыкновенныхъ, рожденныхъ къ простой, безъизвѣстной жизни: но вы, юные питомцы! вы попомки пѣхъ Героевъ, коихъ громаы гремѣли на Альпахъ и поражали царства; коихъ слѣды лежатъ за Дунаемъ и на берегахъ Саймы; вы современники пѣхъ Россовъ, кои славны въ мирѣ и войнѣ, въ Судахъ и Совѣсахъ, на морѣ и на сушѣ, коихъ разумъ и доброта, на спражѣ у Трона, разливаютъ миръ и блаженство по всей обширнѣйшей Имперіи Россійской. Возрите — и привѣщивайте сихъ Героевъ и Мужей-Совѣса, опору и утвержденіе Трона; возрите на сіе поприще и что скажетъ вамъ сердце ваше въ сію торжественную минушу? —

Вы должны нѣкогда слѣдовать стопамъ ихъ. Но имѣете ли средства? Открытъ ли вамъ путь въ сіе поприще? — О юные пи-

потомцы! кто счастливей насъ судьбою? Геній Монарха, оживляя всѣ части государственнаго устройства, призираетъ и на юность; и Тотъ, кто рожденъ повелѣвать міромъ, повелѣваетъ судьбою вашею въ семъ новомъ храмѣ воспитанія; Августѣйшій приемлетъ васъ подъ сѣнь Свою и съ высоты Престола, низведъ къ вамъ величественно-кропкіе взоры, внушаетъ благоспѣ, любовь къ славѣ и великимъ подвигамъ. — Не оживляешся ли ранній Геній вашъ? Не горитъ ли дѣтское сердце любовью къ Царю и Отечеству? — Не пылаетъ ли юный духъ вашъ какимъ-то непоспѣжнымъ стремленіемъ ко всему великому, прекрасному и высокому?

Принесите жъ благодареніе Промыслу; обнимите во глубинѣ души съ благоговѣніемъ Десницу, васъ хранящую и устремитесь въ пушь, вамъ предназначенный.

Миръ видимый и миръ нравственный равно держатся движениемъ, порядкомъ и согласіемъ. Душа наша, рожденная понимать и чувствовать, вѣчно не насытится ни познаніями ни чувствованіями; она безпрестанно стремится къ чему-то новому, совершенному. Науки, пища души. Даръ слова есть средство наслаждаться и раздѣлять наслажденія. Оптимите ихъ, и сія чася божества, сей огонь непоспѣжный непримѣнно, нечувствительно потухнетъ.

Первый и единственный вождь нашъ, Природа; она учитъ гулить, летать и вить, рыбъ плавать; а челоѣка говорить и думать. Такъ благословилъ Творецъ міра. Оты, давъ намъ радость и печаль, соединилъ въ себѣ трудолюбствію и способствію, извѣстивъ дружбу, и въ семъ возмненіи чувствъ боло-

17

жилъ одно изъ первыхъ наслажденій. Если бы человекъ не умѣлъ говорить, быль можешъ, не умѣлъ бы и думать; быль можешъ, умѣлъ ли бы и чувствовать? — И тогда онъ не былъ бы любимое созданіе Вѣчнаго. Мысль горестная!

Но оправдно вѣришь, что Творецъ, вдохнувъ свыше даръ слова человеку, предоставилъ Природѣ учить Своего любимца; и когда люди, волею Вышняго, разсѣялись по лицу земли: Природа, какъ будто сжалась надъ ними, дала имъ прежде общій языкъ безмолвный, но выразительный и краснорѣчивый, языкъ, на которомъ и нынѣ Камчадалъ и Руской, Англичанинъ и Индѣецъ равно понимаютъ другъ-друга. Сей языкъ состоишь въ *дѣйствии*.

Вы видите младенца; онъ простираетъ руки къ блестящему цвѣту и улыбается; не чувствуете ли, что сей ангелъ невинности проситъ васъ, что онъ говоритъ вамъ: „опдайте мнѣ сію забаву. “Покрытый рубищемъ, лишенный силъ и зрѣнія старецъ, слыша шумъ ногъ вашихъ, смиренно преклоняется; должно ли изъяснять, что онъ ждетъ подаянія отъ чувствительной души вашей? Герой, при слухѣ опасности подъемлющій мечъ и лешащій въ поле брани, не говоритъ ли вамъ: „я ваша защита?“ Таковъ *языкъ въ дѣйствии*, языкъ самой Природы! Часто одно движеніе руки, выраженіе лица, одинъ взоръ говоритъ гораздо больше, нежели самое краснорѣчіе. Сей языкъ весьма способенъ для чувствъ высокихъ, великихъ и просто-душныхъ.

Но онъ недостаточенъ. Природа всегда была вождемъ человеку; а человекъ ея подражателемъ. Всегда громы ея гремѣли, ручьи плѣняли журчаніемъ, птицы пѣли, насѣкомыя жужжали;

человѣку оставалось только звуками подражать гласу Природы и языкъ словесный соспавлялся. Первые звуки голоса сопровождаемы были движеніями тѣла, и языкъ въ дѣйствіи соединенъ былъ съ словеснымъ. Они и нынѣ другъ-другу помоществуютъ, другъ-друга объясняютъ: языкъ въ дѣйствіи сильнѣе и разительнѣе, словесный опредѣленнѣе и яснѣе; топъ сообщаетъ ему силу, сей удѣляетъ другому точность; первый способенъ для выраженія гнѣва, мщенія, опчаянія, послѣдній для изясненія и повѣствованія; топъ вдругъ поражаетъ чувства, а сей переливаетъ ихъ отдѣльно, если можно сказать, по каплямъ; слѣдственно они неразлучны и дѣйствуютъ вмѣстѣ.

Дѣйствуютъ: ибо даръ слова есть средство всѣхъ познаній и дѣйствій человѣческихъ; и мы, желая быть полезными, прежде всего должны образовать сію способность, первое опличіе и достоинство человѣка. Но какое слово, какой языкъ ближе къ нашимъ чувствамъ, къ нашимъ тайнамъ, къ нашему сердцу? Топъ, на которомъ въ первый разъ мы услышали и наименовали Бога, родителей и все, любезное намъ языкъ нашего Опечесства.

Но прежде нежели приступимъ къ правиламъ, обратимъ вниманіе на свойства Россійскаго языка и рассмотримъ: *какимъ преимуществомъ слова могутъ гордиться предъ нами иноплемennыя?*

Обиліемъ ли? богатствомъ словъ и выраженій? Но Россійское слово можетъ обиліемъ своимъ соспавить два языка. — Какъ величественная рѣка, въ полныхъ берегахъ текущая изъ Славены, языкъ Россійскій беретъ источникъ свой даже въ языкъ Платоновъ и Димосѣеновъ, Пиндаровъ и Теокрыповъ: онъ есть ближайшая

отпрасль Славянскаго; а Славянскій образованъ и напипанъ пѣмъ языкомъ, который достоинъ былъ самыхъ боговъ древности, на которомъ говорили Музы и Граціи, Эроты и Зефиры. Языкъ предковъ нашихъ былъ зеркаломъ Греческаго: онъ принималъ въ себя, переливалъ, присвоивалъ и утверждалъ въ употребленіи своемъ все обиліе, всю звучность и гармонію того слова, котораго нѣтъ уже! — и которому не было равныхъ. Славянскій, образуя любимое твореніе свое, языкъ Россійскій, опдалъ въ наслѣдство ему и обиліе Грековъ и свое собственное богатство. Какое многообразіе словъ въ языкѣ нашемъ не только для выраженія понятій, но самыхъ оцѣнокъ, переходовъ и переливовъ чувствованій! Какое множество словъ почти одно-значныхъ, но чудесно рисующихъ мысль нашу, какъ кисть великаго художника рисуешь едва-примѣтные переливы свѣта и тѣни! Мы говоримъ: *блескъ, свѣтъ, отблескъ, сіяніе, блистаніе, мерцаніе*. Говоримъ: *рука, десница, мышца* — слова почти одно-значныя; но какое тонкое различіе и постепенность! какое обиліе и богатство! и сколько неисчерпаемыхъ сокровищъ хранится для насъ въ языкѣ Славянскомъ! Мы не можемъ завидовать обилію языковъ иноплеменныхъ.

Свободою ли въ расположеніи словъ? Но сей свободы ни одинъ почти изъ новейшихъ языковъ не имѣетъ; ни одинъ, сдѣланный правилами, не можетъ слѣдовать первымъ впечатлѣніямъ Природы, иногда нечаянно, необыкновенно представляющей понятія. Сіе право осталось только въ языкахъ древнихъ, перешло въ Славянскій и благоразумно сохранилось въ Россійскомъ. Величественное слово наше свободно въ теченіи своемъ, какъ ручьи журчащіе межъ цвѣтами и мы, можемъ гордиться симъ преимуществомъ предъ другими.

Благородство ли? важностию? быстротою? Но Россійское слово вмѣщаетъ и благородство Грековъ и важность Римлянъ. Мы также, какъ Цезарь, можемъ сказать быстро и величественно въ прехъ словахъ: *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ*. Какое слово можешь сравниться подобною быстрою:

Пошелъ — и гдѣ пристаны злобы?

Чему коснулся — все сразилъ.

Поля и грады стали гробы.

Шагнуль — и Царство покорилъ! —

Черная шуча мрачныя крила

Съ цѣли сорвавъ, воздухъ покрыла,

Вихрь полунощный, лепить богатырь:

Мракъ опъ чела, съ посвиса пыль,

Молнии опъ взоровъ бѣгутъ впереди,

Дубы грядою лежатъ позади.

Сступилъ на горы — горы прещать;

Ляжетъ на волны — бездны кипяшь;

Граду коснешся — градъ упадаетъ —

Одинъ только духъ Римникскаго, Геній Барда и величество Россійскаго слова способны къ такой быстро и важности.

Выразительностию ли и гибкостию словъ? Но сіе свойство есть отличіе Россійскаго слова. Какая все-объемлющая, быстро-текущая плавность сливаетъ сіи звуки и понятія вмѣстѣ: мы слышимъ и видимъ въ пѣсняхъ Бардовъ: *тамъ серпо-когтистый орелъ несетъ огне-крылатые, все-сокращающіе громы и готовъ грянуть на серебро лунное Царство*. — *Здѣсь колеблется терно-кудрявый лѣсъ и бѣло-власые степи*. — *Межъ тѣмъ на темно-голубомъ эфирѣ разливаются серебро-розовые лучи свѣта и тихо-крылый, нѣжно-страстный зephyръ шепчетъ съ полу-открытою розою*. — *Вдали рого-вѣтвистая серна пробѣгаетъ на тундры, и ее страшитъ шумъ бури и хрупкій*

подъ ногами листъ. Какая гибкость въ соединеніи понятій! Какая легкость въ представленіи картинъ въ одномъ словѣ! Мы, Юные Пипомцы, приближась къ правиламъ, увидимъ, какая выразительность заключается въ дѣйствіяхъ однократныхъ и многократныхъ, во множествѣ слово-сокращающихъ причастій и наконецъ въ проякомъ переходѣ cadaго дѣйствующаго глагола. Здѣсь скажемъ только, что выразительность и гибкость суть преимущества Россійскаго слова, и повпоримъ: *какимъ превосходствомъ языка могутъ гордиться предъ нами иноплемennые?*

Гармонією ли? подражаніемъ Природѣ? Но языкъ Россійскій есть самая музыка. Гдѣ найдемъ сіе различіе звуковъ, коихъ имѣемъ больше десятью, нежели всѣ другіе? Сію спройную, величественную гармонію, копорой дивятся сами чужеземцы? Гдѣ столько нѣжныхъ и звучныхъ поновъ, коихъ источникъ сама Природа? Опдайте ихъ понкому слуху и нѣжному чувству; пусть Геній Музыки расположитъ ихъ пакже, какъ быспрое *аллегро*, или помное *адажіо* и вы услышите громы Вѣчнаго, когда Онъ вѣщаетъ устами Холмогорскаго Поэпа:

И вдругъ быспро-текущимъ блескомъ,
И горь сердца прясущимъ прескомъ
Концы вселенной колебаль.

И Бардъ Невы повпоряетъ опзвывы громовъ его въ шумящемъ Водопадѣ:

Грохочеть эхо по горамъ,
Какъ громъ, гремящій по громамъ.

Тамъ, подъ кровомъ Майской ноши, вы слышите въ пѣсняхъ Бардовъ и прескъ и прѣли пѣвца лѣсовъ:

Твой гласъ опривный перекапы
Опъ грома къ нѣжно шямъ, опъ нѣгъ

22:

Ко плескамъ, шрескамъ и перунамъ
 Средь позднихъ, раннихъ, красныхъ зарь,
 Раздавшись неба по лазурямъ,
 Въ безмолвіе приводятъ шварь.

Вы слышите жалкой спонь и нѣжные перекапы голоса Орфея Лисовъ:

Ты щолкаешь, крупишь, поводишь,
 Журчишь и спонешь въ голосахъ;
 Въ забвеные души ты приводишь
 И опзываешься въ сердцахъ.

Тамъ слухъ вашъ плѣнится волненіемъ и шумомъ моря:
 Безмолвно по брегамъ шумящихъ волнь печешь.

Вы удивитесь, слыша въ звукахъ нашего слова самый бѣгъ быспраго коня:

Опъ попопа копыть пыль по полю несется.

Удивитесь, слыша самое дыханіе Зефира, когда сынъ Природы поетъ:

Глачьте Нимфы! нѣшь Орфея!
 Бѣтръ, унылый шихо вѣя,
 Намъ вѣщаетъ: нѣшь его.

Какая живая гармонія Природы! Здѣсь каждое чувство видимо и слышно, каждое слово имѣетъ свою жизнь, свою душу. Представьте Барда, сѣдящаго на холмѣ, при восхожденіи солнца, гдѣ онъ, окруженный красотою Природы, вѣщаетъ величество Бога, гармонію созданія — все безмолвспивуетъ — звуки голоса его подобны понамъ лирнымъ: въ нихъ слышны удары громовъ, шумъ волнующагося моря и содроганіе робкой серны; голосъ его привлекаетъ звѣрей и птицъ; ибо все, имѣющее чувства, плѣняется гармоніею: и воображеніе ваше пренесется въ міръ волшебства, и баснь Орфеевъ и Амфіоновъ оживится. Какое величество слова, достойное могущества и славы Россовъ, достойное нашего вѣка!

23

Если справедливо, что языка совершеннаго нѣтъ и быть не можетъ, ибо въ природѣ несравненно больше предметовъ, нежели въ языкахъ словъ; если справедливо, что близкимъ къ совершенству считается тотъ языкъ, въ которомъ есть обиліе словъ и выраженій, въ которомъ есть свобода въ расположеніи, гибкость въ соединеніи и живость въ предскавленіи картинъ и понятій, который наконецъ имѣетъ свои тоны, благо-звучность и подражательную гармонію: то мы, можемъ справедливо и торжественно сказать, что слово Россійское ближе и удобнѣе къ совершенству, нежели всѣ языки иноплеменныхъ.

Твореніями ли странъ гудыхъ? Подлинно онѣ велики и достойны вниманія; ибо собраны вѣками и продолжительною опытностію: но Россія единымъ столѣтіемъ, какъ единымъ шагомъ ихъ достигла. Чье сердце не исполнилось восторга въ бесѣдѣ Ломоносовыхъ, Херасковыхъ, Богдановичей? Чей духъ не плѣнился твореніями Россійскихъ Геніевъ? Сильно и разительнo выпиваютъ наши Орапоры и даръ слова движетъ и колеблетъ сердца Россовъ. Нѣжно и сладостно поютъ наши Скальды, и жаръ чувства и вкуса разливается по Сѣверу. Величественно и чудесно гремятъ наши Барды и звонъ со струнъ ихъ сыплется горящими искрами дождей влѣсть съ восторгомъ въ душу. Просприше слухъ и взоры на величіе пиршества:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала на нихъ и злато и сребро;
Восточный, западный сѣдые Океаны,
Трясаея челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
Черно-кудрявый лѣсъ и бѣло-власы спеси,
Украина, Холмогорь несли шельцовъ и дичь.

24

Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала;
 Съ плодами сладкими принесть кошницу Тавръ.
 Рифей, нагнувшись въ попазны, амешиспны,
 Лилъ кубки медь златой, дровъ искромешный сокъ
 И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина.
 Прекрасная Нева, пріявъ опъ Бельта съ рукъ,
 Въ фарфорѣ, кристалѣ, чужія пипья, снѣди,
 Носила по госпямъ, какъ будто бы спыдьясь,
 Что пошчивашъ должна такъ прихотъ по неволѣ.
 Обилье шучное всѣмъ проспирало длань.
 Картины по спѣнамъ, огнями освѣщенны,
 Казалось, ожили и, рдяны лица ихъ
 Изъ мрака выспавя, на славный пиръ смопрѣли.
 Лукуллы, Цезари, Траянъ, Окшавій, Типъ,
 Какъ будто изумясь, сойши со спѣнь желали
 И вопросить: кого такъ угощаешъ свѣшъ?
 Кто, кромѣ насъ, владѣшъ опважился вселенной?

Кто, кромѣ Россійскаго Барда, опважился бы изобразить та-
 ке величіе?—Или, желаете ли зрѣть рашоборство богатырей.

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмеша-Кула,
 Сибирскихъ спранъ богатыря:
 Разсыпавъ спрѣлы всѣ изъ шула
 И вящимъ жаромъ возгоря,
 Извлекъ онъ саблю смершонесну;
 „Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
 Влачишь мнѣ въ плѣнѣ! Онъ сказала — “
 И въмигъ на Ермака напаль.
 Ужасный видъ! Они сразились!
 Ихъ сабли молніей блестяшь,
 Удары тяжкіе творяшь,
 И обѣ разомъ сокрушились.
 Они въ ручной вспутили бой:
 Грудью съ грудъ и рука съ рукой

25

Опъ вопля ихъ дубравы воюють;
 Они стопами землю роютъ;
 Уже съ нихъ сыплеть потъ, какъ градъ;
 Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
 И ребра обоихъ прещаютъ;
 То сей, то оный на бокъ гнется,
 Крутясь, и Ермакъ сломилъ!
 „Ты мой шеперь! Онъ возопилъ,
 И все опъ нынѣ мнѣ подвласно!“

Кажется, видимъ и чувствуемъ усилія богатырей. Здѣсь въ звукахъ слова и Живопись и Музыка. — Кто, кромѣ Россійскаго пѣвца, дерзнулъ бы сказать:

Речешь — и двигнешся полсвѣта,
 Различный образъ и языкъ:
 Тавридець, чпимель Магомеша,
 Поклонникъ Идоловъ, Калмыкъ,
 Башкирець съ мепкими спрѣлами,
 Съ булашной саблею Черкесь,
 Ударяшь съ шумомъ въ слѣдъ за нами
 И прахъ поднимушь до небесъ!
 Твой Россъ весь мѣръ дрожатъ заславивъ;
 Наполнишь громомъ чудныхъ дѣлъ,
 И шамъ столпы свои поставивъ,
 Гдѣ свѣшу цѣлому предѣлъ!

И сіе спройное, величественное слово можетъ быть оспарвлено? И сей живой, подражательной музыкѣ дерзають предпочесть звукъ иноземный? — Доколь неиспробится предразсудокъ, воскормленный млекою чуждымъ? и прилично ли Россу — воззрише на него: чело его, рожденное для лавровъ, такъ гордо и величественно; его взоръ, зеркало души великой, такъ быспрь и пронцапелентъ; его грудь пвердо-каменная такъ пламенно горитъ любовію къ Царю и Отечеству; его дескица,

какъ громъ небесный, такъ ужасна прошивнымъ; и его слово такъ обильно и живописно, какъ красы луговъ и долинъ; свободно въ печеніи своемъ, какъ ручьи, журчащіе между цвѣтами; выразительно и звучно, какъ гулъ громовъ и прѣли соловья въ пустынь; и наконецъ величественно и чудесно, какъ самая Природа — и прилично ли Россу опдать преимущество въ словѣ иноплеменнымъ, опдать и раболѣпствовать предъ самымъ ихъ помнымъ и дикимъ произношеніемъ?

Но сей огонь на лицахъ вашихъ, но сіе чувство во взорахъ говорите, что вы не опдадите предразсудкамъ сердца юнаго; обратите вниманіе къ Словесности Россійской, къ Наукамъ, ко всему высокому, прекрасному и великому и — подъ сѣнію Августѣйшаго Трона, при благошворномъ содѣйствіи свыше, образуя духъ и сердце величїемъ дѣяній, умъ Науками, а чувства вкусомъ, разцвѣтите душою, воскрылишесь, подобно пшеницамъ орлимъ, и воспарите въ пущь славы, по стопамъ предковъ вашихъ. — Сего желаю спѣ васъ Родители и Наставники; сего ожидаетъ высокое покровительство Мецената; сего пребываетъ Опечесство и Высочайшая воля Августѣйшаго Монарха.

П Ъ С Н Ъ

НА ОТКРЫТІЕ ЛИЦЕЯ ВЪ САРСКОМЪ СЕЛѢ

Рекла Елисаветъ, владѣвшая пол-свѣпомъ —
 И новый лучъ зари на брегъ Невы блеснулъ :
 Умолкъ на Сѣверѣ, шуманами одѣпомъ,
 Звѣрей и вѣщихъ ппиць далеко-слышный гуль ;
 И шамъ, гдѣ борюшя сѣдые мразы съ лѣпомъ,
 Гдѣ въ гробѣ красоты Природы взоръ заснулъ —
 Явился рая видъ средъ счастья и опрады
 И нынѣ въ немъ воскресъ Храмъ древнїя Еллады.

* * *

Се *Воспитаніе*, со взглядомъ прозорливымъ,
 Ведеть *Неопытность* въ сей новый храмъ рукой :
Несинность кропкая, съ веселіемъ счастливымъ,
 И *Пслушаніе*, поникшее главой,
Сми енье робкое съ *Усердіемъ* спыдливымъ,
Соревнованіе, неся вѣнецъ злапой,
 Во слѣдъ поспѣшный *Трудъ*, заботой омраченный,
 И *Опытъ*, временемъ искусству наученный :

* * *

28

Се идушь въ новый Храмъ, Монарха по глаголу,
 И, въ кропоспи души колѣна преклоня,
 Приносять жерпву чувствъ Опечества къ Престоу,
 Благословля часъ Торжественнаго дня.
 Въ благоговѣннн склоняютьъ взоры долу,
 Съ душою кропкою, но полною огня.
 И бышь полезными Опечеству желаюшь;
 И Музь и Геніевъ Элады призываютьъ :

* * *

„Придите кропкіе съ Аѣинскою Богиней,
 Несите всѣ дары и счастье съ собой;
 Здѣсь узрять образъ вашъ древа во влагѣ синей;
 Прохладу принесетъ вамъ вечеръ голубой;
 Туманъ распелешся въ лугахъ, какъ бѣлый иней,
 И Эхо вашу пѣснь отгрянетъ за горой.
 Придите кропкіе въ покровъ госпепрїимной,
 Здѣсь ждешъ васъ Меценапъ съ любовію взаимной.

* * *

Здѣсь царство красоты цвѣщущія Природы:
 Тамъ роца мрачная почла въ пишинѣ;
 Здѣсь дремлють въ берегахъ едва журчащи воды,
 И вѣшви дровъ густыхъ сплелися въ вышинѣ;
 Онѣ соспавили цвѣщущи, зыбки своды,
 Сквозь кои лучъ съ рѣкой играешъ при лунѣ;
 Здѣсь царство пишины и сладкихъ вдохновеній;
 Здѣсь вкругъ невидимо вишаешъ пѣсней Геній.

* * *

29

Для васъ наполнены мѣста сіи красами;
 На вспрѣчу вамъ лепишь съ прохладою Зефиръ,
 Древа колеблются кудрявыми власами;
 Для васъ дыханьемъ розъ волнуется эфиръ;
 Вамъ эхо, радуясь, хохочетъ межъ лѣсами;
 Природа нѣжная для васъ готовитъ пиръ
 И въ шопотъ цвѣповъ, и въ пурпуръ наливномъ,
 И въ шреляхъ соловья, и въ пѣньи Бардовъ дивномъ.“

* * *

Таковъ Темпейскій видъ, Эропами хранимый,
 Гдѣ въ зланныхъ берегахъ влечетъ спруи Илиссъ;
 Таковъ Эладскій брегъ, въ красахъ неиспоцимый,
 Гдѣ радость между розъ и вѣшви дровъ сплелись:
 Тамъ Геніи вокругъ, пріавши видъ незримый,
 Надъ Божествомъ спраны, Аѣиною вились —
 Здѣсь шакже нѣкогда Богиня обижала,
 И слава вкругъ нее невидимо лепала.

* * *

Величествомъ, красой и важностью блистая,
 Царица въ сихъ мѣстахъ владѣла Царствъ судьбой,
 Десница грозная; но въ милоспи благая,
 Бросала громъ на злыхъ, даря благимъ покой,
 И кропко счастію, судьбѣ повелѣвая,
 Преобращала въ рай мѣста сіи собой.
 Тогда подъ кропкими Богини сей спопами,
 Ковры среди луговъ зъ розъ сплелись сами.

* * *

30

Въ блаженный упра часъ, когда лучи свѣшила,
 Верхи зеленыхъ дровъ и башни озлапашъ:
 Она на зланный холмъ безмолвно восходила,
 Оставя тихій сонъ средь блестящихъ палапъ,
 И тамъ Творцу міровъ молитву приносила:
 „О Ты, Кошпораго глаза мои не зряпъ!
 „Но сердце чувствувешъ и духъ благоговѣпъ,
 „Кошпорый все живипъ и солнцемъ землю грѣпъ.

* * *

„Пошли, Невидимый, швои дары благіе:
 „Премудростъ, испину и кропкую любовь,
 „Чшобъ ушвердипъ могла я дни людей злапые,
 „Образовашъ сердца, разсѣпъ мглу умовъ;
 „Но если должно такъ, чшобъ гибли въ свѣпъ злые,
 „Они, какъ прахъ падупъ опъ яроспи громовъ.
 „Но Ты, Вседержущій, пошли благую долю,
 „И сердце чистое прими въ свяпую волю.

* * *

Царицы кропкій гласъ былъ Вышнему пріпшенъ:
 Онъ сердце благоспью и разумъ просвѣщаль.
 Блаженство вокругъ лилось, какъ запахъ аромашень,
 И счасшіе цвѣло, какъ кедръ Ливанскихъ скалъ.
 Здѣсь гласъ гонимаго всегда былъ Трону вняшенъ.
 Невинностъ испину, миръ правду обнималь.
 Когда Великая народовъ споръ судила,
 Премудростъ съ благоспью перомъ Ея водила.

* * *

31

Не рѣдко, возсѣдя полсвѣта на Престолѣ,
 Она внимала здѣсь гремящихъ Бардовъ звукъ!
 И днесъ, послѣдуя благой, священной волю,
 Власпишель Сѣвера Ея Державный Внукъ
 Умножилъ здѣсь красы и возвеличилъ болѣ;
 Онъ древній воскресилъ въ мѣсяцахъ сихъ Храмъ Наукъ.
 И, къ юноши проспра съ величьемъ кропоспъ взора:
 „Цвѣши, Онъ рекъ — и будь Опечеству опора.“

* * *

О Россы юные! кпо счасливѣй судьбою?
 Благословите вамъ начерпанный удѣлъ!
 Красуйтесь въ пишинѣ, съ невинной проспопою,
 Власпишель Сѣвера на васъ Свой взоръ низвелъ!
 Цвѣщите кропоспью и благоспью свяпою;
 Пишайте юный духъ величьемъ славныхъ дѣлъ;
 Пуспъ жизнь и счаспие и ваши дни невинны
 Текуспъ, какъ шокъ ручья между цвѣшовъ пуспынный.

* * *

Пуспъ въ мирѣ, въ пишинѣ вашъ возрастъ безмяшежный
 Всю нравовъ чистопу и сердца соблюдетъ;
 Да Самъ Невидимый Опецъ небесный, нѣжный,
 На васъ прольетъ дары и вѣчной правды свѣспъ.
 Гошовыте умъ и духъ и сердце въ пупъ надежный,
 Когда Опечеству васъ къ славу призоветъ.
 Распите, юные, душою разцвѣшая,
 Какъ розы раннія въ благоуханьи Мая.

* * *

Тогда попухшій блескъ стенающей Эллады,
 И Музы, преклонивъ печальныя главы,
 Оставляя дравній холмъ и опустѣвши грады,
 И въ сей цвѣтущій край придуть на брегъ Невы.
 И здѣсь подъ сѣнію и счастья и отрады,
 Пробудяя пѣснями гремящій гласъ Молвы.
 Вдохнуть вамъ знаній свѣтъ, огонь пѣсней, вкусъ и чувство
 И прогашъ и плѣнялъ волшебныхъ Музъ искусство.

* * *

Тогда, соединивъ свой гласъ со гласомъ лирнымъ,
 Онъ блаженство дней Россійскихъ воспоетъ;
 И въ часъ, когда поля дыханіемъ зефирнымъ,
 И ранніе цвѣты въ долинахъ оживутъ:
 Онъ при звукъ лиръ, по всѣмъ странамъ обширнымъ
 Дѣла Монарховы въ потомство предадутъ.
 И пѣсни громкихъ арфъ по холмамъ пронесутся,
 И гуломъ средь дубравъ въ пустыняхъ ошдадутся:

* * *

Н. Кошанскій.

Х О Р Ъ.

Почійте громы огне-крылы,
 Іесись въ подлунной славы звукъ: —
 Великъ на Сѣверѣ Царь силы,
 Монархини Великой Внука!
 Подъявъ честь Грековъ изъ могилы,
 Онъ зиждетъ новый Храмъ Наукъ.

*Слався арфами Царь мира,
 Какъ свѣтла Твоя порфира!*

* * *

Какъ упромъ, въ часъ благоуханный,
 Пробудится весны краса,
 И, съ холма чрезъ эфиръ пространный,
 Восходишь къ Небу дань — роса:
 Къ Тебѣ, Монархъ сердець избранный,
 Такъ взыдушъ наши голоса.

*Слався арфами Царь брани!
 И прими отъ сердца дани!*

* * *

32

Твой взоръ для Музъ, есть даръ безцѣнный;
 Ихъ пѣснь — Монарху еиміамъ;
 Какъ блескъ зари сквозь мракъ осенній,
 Пройдешь Твой къ позднимъ лучь вѣкамъ!
 Ты Музамъ далъ покровъ священный,
 Хвала, хвала Твоимъ дѣламъ! —

* *Славься арфами Царь славы,
 Вѣсенъ блескъ твоей державы.*

* * *

Н. Кошанскій.

**Текст в оригинальной орфографии и пунктуации
пушкинского времени**

О

**ПРЕИМУЩЕСТВАХЪ
РОССІЙСКАГО СЛОВА**

Рѣчь,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

Николаемъ Кошанскимъ

Докторомъ Философіи, Надворнымъ Совѣтникомъ и Про-
фессоромъ Россійской и Латинской Словесности

Юные россы!

Торжествуя день сей, залогъ славы и благоденствія Россіи, предъ взоромъ Августѣйшаго Монарха, предъ лицомъ Отечества, дадимъ обѣтъ сердце нашихъ, что мы исполнимъ упованіе, Монархомъ и Отцемъ Отечества на насъ возлагаемое; оправдаемъ призваніе наше и совершимъ надежду сладкую для родителей и потомковъ. Но какимъ образомъ?..

Быть кроткимъ и послушнымъ, питать любовь к Богу и Монарху; образовать умъ науками, а сердце добродѣтелью – сего было бы довольно для душъ обыкновенныхъ, рожденныхъ к простой, безызвѣстной жизни: но вы, юные питомцы! вы потомки тѣхъ Героевъ, коихъ громаы гремѣли на Альпахъ и поражали царства; коихъ слѣды лежать за Дунаемъ и на берегахъ Саймы; вы современники тѣхъ Россовъ, кои славны в мирѣ и войнѣ, в Судахъ и Совѣтахъ, на морѣ и на сушѣ, коихъ разумъ и доброта, на стражѣ у Трона разливаютъ миръ и блаженство по всей обширнѣйшей Имперіи Россійской. Возрите – и привѣтствуйте сихъ Героевъ и Мужей-Совѣта, опору и утвержденіе Трона; возрите на сіе поприще и что скажетъ вамъ сердце ваше в сію торжественную минуту? –

- Вы должны нѣкогда следовать стопамъ их. Но имеете ли средства? Открыть ли вамъ путь в сіе поприще? – О юные питомцы! кто счастливей насъ судьбою? Гений Монарха, оживляя всѣ части государственного устройства, призираетъ и на юность; и Тот, Кто рождень повелѣвать миромъ, повелѣваетъ судьбою вашею въ семъ новомъ храмѣ воспитанія; Августѣйшій приемлетъ васъ подъ сѣнь Свою и съ высоты Престола, низведъ къ вамъ величественно-кроткіе взоры, внушаетъ благость, любовь к славіи и великимъ подвигамъ. – Не оживляется ли ранній Гений вашъ? Не горитъ ли дѣтское сердце любовію к Царю и Отечеству? – Не пылаетъ ли юный духъ вашъ какимъ-то непостижимымъ стремленіемъ ко всему великому, прекрасному и высокому?

Принесите жъ благодарение Промыслу; обнимите во глубинѣ души съ благоговѣніемъ Десницу, васъ хранящую, и устремитесь въ путь, вамъ предназначенный.

Міръ видимый и міръ нравственный равно держатся движеніемъ, порядкомъ и согласіемъ. Душа наша, рожденная понимать и чувствовать, вѣчно не насытится ни познаніями ни чувствованіями; она безпрестанно стремится къ чему-то новому, совершенному. Науки, пища души. Даръ слова есть средство наслаждаться и раздѣлять наслажденіе. Отнимите ихъ, и сія часть божества, сей огонь непостижимый непримѣтно, нечувствительно потухнетъ.

Первый и единственный вождь нашъ, Природа; она учить птицъ летать и пѣть, рыбъ плавать; а человека говорить и думать. Такъ благоволилъ Творецъ міра. Онъ, давъ намъ радости и печали, соединивъ ихъ съ потребностію и способностію изъяснять другому, и въ семъ изъясненіи чувствъ положилъ одно изъ первыхъ наслаждений. Если бы человекъ не умѣлъ говорить, быть можетъ, не умѣлъ бы и думать; быть можетъ, умѣлъ бы и чувствовать? - И тогда онъ не былъ бы любимое создание Вѣчнаго. Мысль горестная!

Но отрадно вѣрить, что Творецъ, вдохнувъ свыше даръ слова человеку, предоставилъ Природѣ учить своего любимца, и когда люди, волею Вышняго, рассеялись по лицу земли, природа, какъ будто сжалась над ними, дала имъ прежде общій языкъ безмолвный, но выразительный и краснорѣчивый, языкъ, на которомъ и ныне Камчадалъ и Руской, Англичанин и Индеецъ равно понимаютъ другъ друга. Сей языкъ состоитъ въ *дѣйстви*.

Вы видите младенца; онъ простираетъ руки къ блестящему цвѣту и улыбается; не чувствуете ли, что сей ангелъ невинности проситъ васъ, что онъ говоритъ вамъ: «Отдайте мнѣ сію забаву.» Покрытый рубищемъ, лишенный силъ и зрѣнія старецъ, слыша шумъ ногъ вашихъ, смиренно преклоняется; должно ли изъяснять, что онъ ждетъ подаянія отъ чувствительной души вашей? Герой, при слухѣ опасности подъемлющій мечъ и летящій въ поле брани, не говоритъ ли вамъ: «я ваша защита»? Таковъ языкъ въ *дѣйстви*, языкъ самой Природы! Часто одно движеніе руки, выраженіе лица, одинъ взоръ говоритъ гораздо больше, нежели самое красноречіе. Сей языкъ весьма способенъ для чувствъ высокихъ, великихъ и просто-душныхъ.

Но онъ недостаточенъ. Природа всегда была вождемъ человеку, а человекъ ея подражателемъ. Всегда громы ея гремѣли, ручьи плѣняли журчаніемъ, птицы пѣли, насекомые жужжали; человеку оставалось только звуками подражать гласу Природы и языкъ словесный составлялся. Первые звуки голоса сопровождаемы были движеніями тѣла, и языкъ въ *дѣйстви* соединенъ былъ со словеснымъ. Они и нынѣ другъ-другу вспомошествоуютъ, другъ-друга объясняютъ: языкъ въ *дѣйстви* - сильнѣе и разительнѣе, словесный - определеннѣе и яснѣе; тотъ сообщаетъ ему силу, сей удѣляетъ другому точность; первый способенъ для выраженія гнѣва, мщенія, отчаянія, послѣдній - для изъясненія и повествованія; тотъ - вдругъ поражаетъ чувства, а сей - переливаетъ ихъ отдѣльно, если можно сказать, по каплямъ; слѣдственно, они неразлучны и *дѣйствуютъ* вмѣстѣ

Дѣйствуютъ: ибо даръ слова есть средство всѣхъ познаній и дѣйствій человѣческихъ; и мы, желая быть полезными, прежде всего, должны образовать сію способность - первое отличіе и достоинство человека. Но какое слово, какой языкъ ближе к нашимъ чувствамъ, къ нашимъ тайнамъ, къ нашему сердцу? Тотъ, на которомъ въ первый разъ мы услышали и наименовали Бога, родителей и все любезное намъ языкъ нашего Отечества.

Но прежде нежели приступимъ къ правиламъ, обратимъ внимание на свойства Россійскаго языка и рассмотримъ: *какимъ преимуществомъ слова могутъ гордиться предъ нами иноплеменные?*

Обиліемъ ли? богатствомъ словъ и выражений? Но Россійское слово можетъ обиліемъ своимъ составить два языка. – Какъ величественная рѣка, въ полныхъ берегахъ текущая изъ Славены, языкъ россійскій берётъ источникъ свой даже в языкѣ Платоновъ и Демосфеновъ, Пиндаровъ и Феокритовъ: онъ есть ближайшая отрасль Славянскаго, а Славянскій образованъ и напитанъ тѣмъ языкомъ, который достоинъ быть самыхъ боговъ древности, на которомъ говорили Музы и Грации, Эроты и Зефиры. Языкъ предковъ нашихъ былъ зеркаломъ Греческаго: онъ принималъ в себя, переливалъ, присвоивалъ и утверждалъ в употребленіи своемъ все обиліе, всю звучность и гармонію того слова, которого нѣтъ уже! – и которому не было равныхъ. Славянскій, образуя любимое творение своё, языкъ Россійскій, отдалъ въ наслѣдство ему и обиліе Греков, и свое собственное богатство. Какое многообразіе словъ в языкѣ нашемъ не только для выраженія понятій, но и самихъ оттенковъ, переходовъ и переливовъ чувствованій! Какое множество словъ почти одно-значащихъ, но чудесно рисующихъ мысль нашу, какъ кисть великаго художника рисуетъ едва-примѣтные переливы свѣта и тѣни! Мы говоримъ: *блескъ, свѣтъ, отблескъ, сіяніе, блистаніе, мерцаніе*. Говоримъ: *рука, десница, мышца* – слова почти одно-значащіе, но какое тонкое различіе и постепенность! какое обиліе и богатство! И сколько неисчерпаемыхъ сокровищъ хранится для насъ на языкѣ Славянскомъ! Мы не можемъ завидовать обилію языковъ иноплеменныхъ.

Свободою ли в расположеніи словъ? Но сей свободы ни одинъ почти изъ новѣйшихъ языковъ не имѣетъ; ни одинъ, стѣсненный правилами, не можетъ слѣдовать первымъ впечатлѣніямъ Природы, иногда нечаянно, необыкновенно представляющей понятія. Сіе право осталось только въ языкахъ древнихъ, перешло в Славянскій и благоразумно сохранилось въ Россійскомъ. Величественное слово наше свободно в теченіи своемъ, какъ ручьи журчащіе межъ цвѣтами, и мы можемъ гордиться симъ преимуществомъ предъ другими.

Благородствомъ ль? важностію? быстротою? Но Россійское слово

вмѣщаетъ и благородство Греков и важность Римлянъ. Мы такъ же, какъ Цезарь, можемъ сказать быстро и величественно въ трехъ словахъ: *пришель, увидѣль, побѣдилъ*. Какое слово можетъ сравниться подобною быстротою?

Пошелъ – и где тристаты злобы?
 Чему коснулся – все сразилъ.
 Поля и грады стали гробы.
 Шагнулъ – и Царство покорилъ! –
 Черная туча мрачныя крила
 Съ цѣпи сорвавъ, воздухъ покрыла,
 Вихрь полунощный, летитъ богатырь:
 Мракъ от чела, съ посвиста пыль,
 Молнии от взоров бѣгутъ впереди,
 Дубы грядою лежать позади.
 Ступить на горы – горы трещать;
 Ляжетъ на волны – бездны кипятъ;
 Граду коснется – градъ упадаетъ –

Одинъ только духъ Рымникскаго, Гений Барда и величество Россійскаго слова способны к такой быстроте и важности.

Выразительностью ли и гибкостью ли слова? Но сіе свойство есть отличіе Россійскаго слова. Какая все-объемлющая, быстро-текущая плавность сливается сіи звуки и понятія вмѣсте: мы слышимъ и видимъ въ пѣсняхъ Бардовъ: *тамъ серпо-когтистый орелъ несетъ огне-крылатые, все-сокрушающіе громы и готовъ грянуть на серебро-лунное царство. - Здесь колеблется черно-кудрявый лѣсъ и бѣловласые степи. - Межъ тѣмъ на темно-голубомъ эфирѣ разливаются серебро-розовые лучи свѣта и тихо-крылый, нѣжно-страстный зефиръ шепчетъ с полукрытою розою. Вдали рого-вѣтвистая серна пробѣгаетъ на тундры, и ее страшитъ шумъ бури и хрупкій под ногами листъ*. Какая гибкость в соединеніи понятій! Какая легкость в представленіи картинъ в одномъ слове! Мы, Юные Питомцы, приближась къ правиламъ, увидимъ, какая выразительность заключается въ дѣйствіяхъ однократныхъ и многократныхъ, во множествѣ слово-сокращающихъ причастій и наконецъ въ троякомъ переходѣ cadaго действующаго глагола. Здѣсь скажемъ только, что выразительность и гибкость суть преимущества Россійскаго слова, и повторимъ: *какимъ превосходствомъ языка могутъ гордиться предъ нами иноплеменные?»*

Гармоніею ли? подражаніемъ Природе? Но языкъ Россійскій есть самая музыка. Гдѣ найдемъ сіе различіе звуковъ, коихъ имѣемъ больше десятию, нежели всѣ другіе? Сію стройную, величественную гармонію,

которой дивятся сами чужеземцы? Гдѣ столько нѣжныхъ и звучныхъ тоновъ, коихъ источникъ сама Природа? Отдайте ихъ тонкому слуху и нѣжному чувству; пусть Гений Музыки расположить ихъ также, какъ быстрое *алLEGRO*, или томное *адажио*, и вы услышите громы Вѣчного, когда Онъ вѣщаетъ устами Холмогорскаго Поэта:

И вдругъ быстро-текущимъ блескомъ,
И горь сердца трясущимъ трескомъ
Концы вселенной колебаль.

И Бардъ Невы повторяетъ отзвѣвы громовъ его в шумящемъ Водопадѣ:
Грохочетъ эхо по горамъ,
Какъ громъ, гремящій по громамъ.

Тамъ, подъ кровомъ Майской ночи, вы слышите въ пѣсняхъ Бардовъ и трескъ и трѣли пѣвца лѣсовъ:

Твой гласъ отрывной, перекаты
От грома къ нѣжностямъ, отъ нѣгъ
Ко плескамъ, трескамъ и перунамъ
Средь позднихъ, раннихъ, красныхъ зарь,
Раздавшись неба по лазурямъ,
В безмолвіе приводятъ тварь.

Вы слышите жалкой стонъ и нѣжные перекаты голоса Орфея лѣсовъ:

Ты щолкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь въ голосахъ;
В забвеніе души ты приводишь
И отзываешься въ сердцахъ.

Тамъ слухъ вашъ плѣнится волненіемъ и шумомъ моря:
Безмолвно по берегамъ шумящихъ волнъ течеть.

Вы удивитесь, слыша в звукахъ нашего слова самый бѣгъ быстрого коня:

От топота копытъ пыль по полю несется.

Удивитесь, слыша самое дыхание Зефира, когда сынъ Природы поетъ:

Плачьте, Нимфы! нетъ Орфея!
Ветръ, унылый тихо вѣя,
Намъ вѣщаетъ: нѣтъ его.

Какая живая гармонія Природы! Здѣсь каждое чувство видимо и слышно, каждое слово имѣетъ свою жизнь, свою душу. Представьте Барда, сѣдящаго на холме, при восхожденіи солнца, гдѣ онъ, окруженный красотами Природы, вѣщаетъ величество Бога, гармонію созданія – все безмолвствуетъ – звуки голоса его подобны тонамъ лирнымъ: въ нихъ слышны удары громовъ, шумъ волнующагося моря и содроганіе робкой серны; голосъ его

привлекаетъ звѣрей и птицъ; ибо все, имѣющее чувства, плнняется гармонією: и воображеніе ваше пренесется въ міръ волшебства, и баснь Орфеевъ и Амфіоновъ оживится. Какое величество слова, достойное могущества и славы Россов, достойное нашего вѣка!

Если справедливо, что языка совершенного нѣтъ и быть не можетъ, ибо в природѣ несравненно больше предметовъ, нежели въ языкахъ словъ; если справедливо, что близкимъ къ совершенству почитается тотъ языкъ, въ которомъ есть обиліе словъ и выраженій, въ которомъ есть свобода въ расположеніи, гибкость въ соединеніи и живость въ представленіи картинъ и понятій, который, наконецъ, имѣетъ свои тоны, благо-звучность и подражательную гармонию: то мы можемъ справедливо и торжественно сказать, что слово Россійское ближе и удобнѣе къ совершенству, нежели всѣ языки иноплеменныхъ.

Твореніями ли странъ чуждыхъ? Подлинно онѣ велики и достойны вниманія; ибо собраны вѣками и продолжительною опытностію: но Россія единымъ столптіемъ, какъ единымъ шагомъ ихъ достигла. Чье сердце не исполнится восторга въ бесѣдѣ Ломоносовыхъ, Херасковыхъ, Богдановичей? Чей духъ не плнняется твореніями Россійскихъ Геніевъ? Сильно и разительно витійствуютъ наши Ораторы и даръ слова движетъ и колеблетъ сердца Россовъ. Нѣжно и сладостно поютъ наши Скальды, и жаръ чувства и вкуса разливается по Сѣверу. Величественно и чудесно гремятъ наши Барды, и звонъ со струнъ ихъ *сыплется горящимъ искръ дождемъ вмѣстѣ съ восторгомъ въ душу*. Прострите слухъ и взоры на величіе пиршества:

Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала на нихъ и злато и сребро;
Восточный, Западный седые Океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ.
Черно-кудрявый лѣсъ и бело-власы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцов и дичь.
Внчанна класами хлѣбъ Волга подавала;
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшись въ топазны, аметистны,
Лиль (въ?) кубки медъ златой, древь искрометный сокъ
И съ Дона сладкіе и Крымски вкусны вина.
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ,
В фарфорѣ, кристалѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдятся,
Что потчивать должна такъ прихоть поневоли.

Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
 Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
 Казалось, ожили и, рдяны лица ихъ
 Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли.
 Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Тить,
 Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
 И спросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
 Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Кто, кромѣ Россійскаго Барда, отважился бы изобразить такое величіе?
 Или, желаете ли зрѣть ратоборство богатырей:

Я зрѣлъ съ нимъ бой Мегмета-Кула,
 Сибирскихъ странъ богатыря:
 Разсыпавъ стрелы все из тула
 И ваящимъ жаромъ возгоря,
 Извлекъ онъ саблю смертоносну:
 «Дай лучше смерть, чѣмъ жизнь поносну
 Влачить мнѣ въ плѣнѣ!» Онъ сказалъ – »
 И вмигъ на Ермака напалъ.
 Ужасный видъ! Они сразились!
 Их сабли молніей блестятъ,
 Удары тяжкіе творять
 И обѣ разомъ сокрушились.
 Они въ ручной вступили бой:
 Грудью съ грудью и рука съ рукой.
 От вопля ихъ дубравы воютъ;
 Они стопами землю роютъ;
 Уже съ нихъ сыплеть потъ, какъ градъ;
 Уже въ нихъ сердце страшно бьется,
 И ребра обоихъ трещать;
 То сей, то онъ на бокъ гнется,
 Крутятся, и Ермакъ сломилъ!
 «Ты мой теперь! Онъ возопилъ,
 И все от нынѣ мне подвластно!»

Кажется, видимъ и чувствуемъ усилія богатырей. Здѣсь въ звукахъ
 слова – и Живопись, и Музыка. – Кто, кромѣ Россійскаго пѣвца, дерзнулъ бы
 сказать:

Речешъ – и двинется полсвѣта,

Различный образъ и языкъ:
 Тавридець, чтитель Магомета,
 Поклонникъ Идоловъ Калмыкъ,
 Башкирець съ меткими стрѣлами,
 С булатной саблею Черкесь,
 Ударять съ шумомъ въ слѣдъ за нами
 И прахъ поднять до небесъ!
 Твой Россъ весь міръ дрожать заставить,
 Наполнить громомъ чудныхъ дѣлъ
 И тамъ столпы свои поставитъ,
 Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ!

И сіе стройное, величественное слово можетъ быть оставлено? И сей живой, подражательной музыкѣ дерзаютъ предпочесть звукъ иноземный? – Доколѣ неистребится предрасудокъ, воскормленный млекою чуждымъ? и прилично ли Россу – воззрите на него: чело его, рожденное для лавровъ, такъ гордо и величественно; его взоръ, зеркало души великой, такъ быстръ и пронизателенъ; его грудь твердо-каменная такъ пламенно горитъ любовію къ Царю и Отечеству; его десница, какъ громъ небесный, такъ ужасна противнымъ; и его слово такъ обильно и живописно, какъ красы луговъ и долинъ; свободно в теченіи своемъ, какъ ручьи, журчащіе между цветами; выразительно и звучно, какъ гулъ громовъ и трѣли соловья въ пустынѣ; и наконецъ величественно и чудесно, какъ самая Природа – и прилично ли Россу отдать преимущество въ словѣ иноплеменнымъ, отдать и раболѣпствовать предъ самымъ ихъ томнымъ и дикимъ произношеніемъ?

Но сей огонь на лицахъ вашихъ, но сіе чувство во взорахъ говоритъ, что вы не отдадите предрасудкамъ сердца юнаго; обратите внимание къ Словесности Россійской, къ Наукамъ, ко всему высокому, прекрасному и великому, и - подъ сѣнію Августейшаго Трона, при благотворномъ содѣйствіи свѣше, образуя духъ и сердце величіемъ дѣяній, умъ Науками, а чувства вкусомъ, разцветете душою, воскрылитесь, подобно птенцамъ орлинымъ, и воспарите в путь славы, по стопамъ предковъ вашихъ. – Сего желаютъ отъ васъ Родители и Наставники; сего ожидаетъ высокое покровительство Мecenата; сего требуетъ Отечество и Высочайшая воля Августейшаго Монарха.

ПѢСНЬ

НА ОТКРЫТІЕ ЛИЦЕЯ В САРСКОМЪ СЕЛѢ

Рекла Елизаветъ, владевшая пол-свѣтомъ, —
 И новый лучъ зари на брегъ Невы блеснулъ.
 Умолкъ на Сѣверѣ, туманами одѣтомъ,
 Звѣрей и вѣщихъ птицъ далеко- слышный гулъ;
 И тамъ, гдѣ борются сѣдые мразы съ лѣтомъ,
 Гдѣ в гробѣ красоты природы взоръ заснулъ,
 Явился рая видъ средь счастья и отрады,
 И нынѣ в немъ воскресъ Храмъ древня Еллады.

Се *Воспитаніе* со взглядомъ прозорливымъ
 Ведетъ *Неопытность* въ сей новый храмъ рукой:
Невинность кроткая, съ веселіемъ счастливымъ,
 И *Послушаніе*, поникшее главою,
Смиренье робкое съ *Усердіемъ* стыдливимъ,
Соревнованіе, неся вѣнецъ златой,
 Во слѣдъ поспешный *Трудъ*, заботой омраченный,
 И *Опытъ*, временемъ искусству наученный:

Се идутъ въ новый Храмъ, Монарха по глаголу,
 И, въ кротости души колѣна преклоня,
 Приносятъ жертву чувствъ Отечества къ Престолу,
 Благословляя часъ Торжественного дня.
 Въ благоговѣннѣи склоняютъ взоры долу,
 С душою кроткою, но полною огня.
 И быть полезными Отечеству желаютъ;
 И Музы и Геніевъ Эллады призываютъ:

«Придите кроткіе съ Афинскою Богиней,
 Несите всѣ дары и счастье съ собой;
 Здѣсь узрятъ образъ вашъ древа во влагѣ синей;
 Прохладу принесетъ вамъ вечеръ голубой;
 Туманъ разстелется въ лугахъ, какъ бѣлый иней,
 И Эхо вашу пѣснь отгрянетъ за горой.
 Придите, кроткіе, въ покровъ гостепріимной,
 Здѣсь ждетъ васъ Меценатъ съ любовію взаимной.

Здѣсь царство красоты цвѣтущія Природы,
 Тамъ роца мрачная почила въ тишинѣ;
 Здѣсь дремлють въ берегахъ едва журчащи воды,
 И вѣтви древъ густыхъ сплелися въ вышинѣ;
 Онѣ составили цвѣтущи, зыбки своды,
 Сквозь кои лучь съ рѣкой играетъ при лунѣ;
 Здѣсь царство тишины и сладкихъ вдохновеній,
 Здѣсь вкругъ невидимо витаетъ пѣсней Геній.

Для васъ наполнены мѣста сіи красами;
 На встрѣчу вамъ летитъ съ прохладою Зефиръ,
 Древа колеблются кудрявыми власами;
 Для васъ дыханьемъ розъ волнуется эфиръ;
 Вамъ эхо, радуясь, хохочетъ межъ лѣсами,
 Природа нѣжная для васъ готовитъ пиръ
 И въ шепотѣ цвѣтовъ, и въ пурпурѣ наливномъ,
 И въ треляхъ соловья, и въ пѣньи Бардовъ дивномъ.»

Таковъ Темпейскій видъ, Эротами хранимый,
 Гдѣ въ злчныхъ берегахъ влечетъ струи Илиссъ,
 Таковъ Элладскій берегъ, въ красахъ неистощимый,
 Гдѣ радость между розъ и вѣтви древъ сплелись:
 Тамъ Геніи вкругъ, пріявши видъ незримый,
 Надъ Божествомъ страны, Афиною вились -
 Здѣсь также нѣкогда Богиня обитала,
 И слава вкругъ нее невидимо летала.

Величествомъ, красой и важностью блистая,
 Царица в сихъ мѣстахъ владѣла Царствъ судьбой,
 Десница грозная; но въ милости благая,
 Бросала громъ на злыхъ, даря благимъ покой,
 И кротко счастію, судьбѣ повелѣвая,
 Преобращала въ рай мѣста сіи собой.
 Тогда под кроткими Богини сей стопами,
 Ковры среди луговъ изъ розъ сплетались сами.

В блаженный утра часъ, когда лучи свѣтила
 Верхи зеленыхъ древъ и башни озлатятъ:
 Она на злчный холмъ безмолвно восходила,

Оставя тихій сонъ средь блещущихъ палатъ,
И тамъ Творцу міровъ молитву приносила:
«О Ты, Которого глаза мои не зрятъ,
Но сердце чувствуетъ и духъ благоговѣтъ,
Который все живить и солнцемъ землю грѣтъ.

Пошли, Невидимый, твои дары благіе:
Премудрость, истину и кроткую любовь,
Чтоб утвердить могла я дни людей златые,
Образовать сердца, разсѣять мглу умовъ;
Но если должно такъ, чтобъ гибли въ свѣтѣ злые,
Они, какъ прахъ падутъ отъ ярости громовъ.
Но Ты, Вседержущій, пошли благую долю,
И сердце чистое прими въ святую волю».

Царицы кроткій гласъ былъ Вышнему пріятень:
Онъ сердце благостью и разумъ просвѣщаль.
Блаженство вкругъ лилось, какъ запахъ ароматень,
И счастье цвѣло, какъ кедръ Ливанскихъ скаль.
Здѣсь гласъ гонимого всегда былъ Трону внятень.
Невинность истину, миръ правду обнималь.
Когда Великая народовъ споръ судила,
Премудрость с благостью перомъ Ея водила.

Не рѣдко, возсѣдая полсвѣта на Престолѣ,
Она внимала здѣсь гремящихъ Бардовъ звукъ!
И днесъ, послѣдуя благой, священной волѣ,
Властитель Сѣвера Ея Державный Внукъ
Умножилъ здѣсь красы и возвеличилъ болѣ;
Онъ древній воскресилъ въ мѣстахъ сихъ Храмъ Наукъ.
И, къ юности простря съ величьемъ кротость взора:
«Цвѣти, Онъ рекъ, – и будь Отечеству опора».

О Россы юные! кто счастливѣй судьбою?
Благословите вам начертанный удѣл!
Красуйтесь въ тишинѣ съ невинной простотою,
Властитель Сѣвера на васъ Свой взоръ низвелъ!
Цвѣтите кротостью и благостью святою;
Питайте юный духъ величьемъ славныхъ дѣлъ;

Пусть жизнь и счастье и ваши дни невинны
 Текут, как ток ручья между цветов пустынный.

Пусть в мире, в тишине ваша возраст безмятежный
 Всю нравов чистоту и сердце соблюдет;
 Да Самъ Невидимый Отецъ небесный, нежный,
 На васъ прольетъ дары и вѣчной правды свѣтъ.
 Готовьте умъ и духъ и сердце в путь надежный,
 Когда Отечество васъ къ славе призоветъ.
 Растите, юные, душою разцветая,
 Какъ розы ранняя в благоуханьи Мая.

Тогда потухший блескъ стенающей Эллады,
 И Музы, преклонивъ печальныя главы,
 Оставятъ древній холмъ и опустѣвши грады,
 И въ сей цветущій край придутъ на брегъ Невы.
 И здѣсь подъ сѣню и счастья и отрады,
 Пробудятъ пѣснями гремящій гласъ Молвы.
 Вдохнуть вамъ знаній свѣтъ, огонь пѣсней, вкусъ и чувство
 И трогать и плѣнять волшебныхъ Музъ искусство.

Тогда, соединивъ свой гласъ со гласомъ лирнымъ,
 Они блаженство дней Россійскихъ воспоютъ;
 И въ часъ, когда поля дыханіемъ зефирнымъ,
 И ранніе цветы въ долинахъ оживутъ:
 Они при звукѣ лиръ, по всемъ странамъ обширнымъ
 Дела Монарховы въ потомство предадутъ.
 И пѣсни громкихъ арфъ по холмамъ пронесутся
 И гуломъ средь дубравъ въ пустыняхъ отдадутся.

ХОРЪ

Почійте, громы огнекрылы,
 Несись въ подлунной славы звукъ:
 Великъ на Сѣверѣ Царь силы,
 Монархини Великой Внукъ!
 Подъявь честь Грековъ изъ могилы,
 Онъ зиждетъ новый Храмъ Наукъ.
*Славься арфами, Царь мира,
 Какъ светла Твоя порфира!*

Какъ утромъ, въ часъ благоуханный,
 Пробудится весны краса,
 И, съ холма чрезъ эфиръ пространный,
 Восходитъ къ Небу дань — роса:
 Къ тебѣ, Монархъ сердець избранный,
 Такъ взыдутъ наши голоса.
*Славься арфами Царь брани,
 И прими отъ сердца дани!*

Твой взоръ для Музъ, есть даръ безцѣнный;
 Ихъ пѣснь — Монарху фиміамъ;
 Какъ блескъ зари сквозь мракъ осенній,
 Пройдетъ Твой къ позднимъ лучь вѣкамъ!
 Ты Музамъ далъ покровъ священный,
 Хвала, хвала Твоимъ дѣламъ! —
*Славься арфами Царь славы,
 Вѣченъ блескъ твоей державы!*

Н.Кошанскій

Текст в современной орфографии и пунктуации

О

ПРЕИМУЩЕСТВАХ

РОССИЙСКОГО СЛОВА

РЕЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ

Николаем Кошанским,

доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности

Юные россы!

Торжествуя день сей, залог славы и благоденствия России, пред взором августейшего монарха, пред лицом Отечества дадим обет сердец наших, что мы исполним упование, монархом и отцом Отечества на нас возлагаемое, оправдаем призвание наше и совершим надежду сладкую для родителей и потомков. Но каким образом?

Быть кротким и послушным, питать любовь к Богу и монарху, образовать ум науками, а сердце добродетелью – сего было бы довольно для душ обыкновенных, рожденных к простой, безызвестной жизни, но вы, юные питомцы!, вы, потомки тех героев, коих громы гремели на Альпах и поражали царства, коих следы лежат за Дунаем и на берегах Саймы; вы – современники тех россов, кои славны в мире и войне, в судах и советах, на море и на суше, коих разум и доброта на страже у трона разливают мир и блаженство по всей обширнейшей империи Российской. Возрите и приветствуйте сих героев и мужей совета, опору и утверждение трона; возрите на сие поприще и что скажет вам сердце ваше в сию торжественную минуту?

- *Вы должны некогда следовать стопам их.* Но имеете ли средства? Открыт ли вам путь в сие поприще? О, юные питомцы! Кто счастливее нас судьбою? Гений монарха, оживляя все части государственного устройства, призывает и на юность, и тот, кто рожден повелевать миром, повелевает судьбою вашею в сем новом храме воспитания. Августейший приемлет вас под сень свою и с высоты престола, низвед к вам величественно-кроткие взоры, внушает благость, любовь к славе и великим подвигам. – Не оживляется ли ранний гений ваш? Не горит ли детское сердце любовью к царю и Отечеству? – Не пылает ли юный дух ваш каким-то непостижимым стремлением ко всему великому, прекрасному и высокому?

Принесите ж благодарение Промыслу, обнимите в глубине души с благоговением десницу, вас хранящую, и устремитесь в путь, вам предназначенный.

Мир видимый и мир нравственный равно держатся движением, порядком и согласием. Душа наша, рожденная понимать и чувствовать, вечно не насытится ни познаниями, ни чувствованиями; она беспрестанно стремится к чему-то новому, совершенному. **Науки – пища души. Дар слова есть средство наслаждаться и разделять наслаждения.** Отнимите их - и сия часть божества, сей огонь непостижимый не приметно, нечувствительно потухнет.

Первый и единственный вождь наш – природа: она учит птиц летать и петь, рыб - плавать, а человека – говорить и думать. Так благоволил Творец мира. Он, дав нам радости и печали, соединив их с потребностью и способностью изъяснять другому, и в сем изъяснении чувств положил одно из первых наслаждений. Если бы человек не умел говорить, быть может, не умел бы и думать; быть может, умел бы и чувствовать? - И тогда он не был бы любимое создание Вечного. Мысль горестная!

Но отрадно верить, что Творец, вдохнув свыше дар слова человеку, предоставил природе учить своего любимца, и когда люди, волею Вышнего, рассеялись по лицу земли, природа, как будто сжалась над ними, дала им прежде общий язык безмолвный, но выразительный и красноречивый, язык, на котором и сейчас камчадал и русский, англичанин и индеец равно понимают друг друга. Сей язык состоит в *действии*.

Вы видите младенца: он простирает руки к блестящему цветку и улыбается. Не чувствуете ли, что сей ангел невинности просит вас, что он говорит вам: «Отдайте мне сию забаву». Покрытый рубищем, лишенный сил и зрения старец, слыша шум ног ваших, смиренно преклоняется: должно ли изъяснять, что он ждет подаяния от чувствительной души вашей? Герой, при слухе опасности поднимающий меч и летящий в поле брани, не говорит ли вам: «Я - ваша защита»? Таков язык в *действии*, язык самой природы! Часто одно движение руки, выражение лица, один взор говорит гораздо больше, нежели самое красноречие. Сей язык вполне способен для чувств высоких, великих и простодушных.

Но он недостаточен. Природа всегда была вождем человеку, а человек ее подражателем. Всегда громаы ее гремели, ручьи пленяли журчанием, птицы пели, насекомые жужжали; человеку оставалось только звуками подражать гласу природы и язык словесный составлялся. Первые звуки голоса сопровождаемы были движениями тела и язык в *действии соединен был со словесным*. Они и ныне друг другу вспомоществуют, друг друга объясняют: язык в *действии - сильнее и разительнее, словесный - определеннее и яснее*; тот сообщает ему силу, сей уделяет другому точность; первый способен для выражения гнева, мщенья, отчаяния, последний - для изъяснения и повествования; тот - вдруг поражает чувства, а сей - переливает их отдельно, если можно сказать, по каплям, следовательно, они неразлучны и действуют вместе.

Действуют, ибо дар слова есть средство всех познаний и действий человеческих, и мы, желая быть полезными, прежде всего, должны образовать сию способность - первое отличие и достоинство человека. Но какое слово, какой язык ближе к нашим чувствам, к нашим тайнам, к нашему сердцу? Тот, на котором в первый раз мы услышали и наименовали Бога, родителей и всё любезное нам – язык нашего Отечества.

Но прежде, нежели приступим к правилам, обратим внимание на свойства русского языка и рассмотрим, *каким преимуществом слова могут гордиться пред нами иноплеменные*.

Обилием ли? Богатством слов и выражений? Но русское слово может обилием своим составить два языка. Как величественная река, в полных берегах текущая из Славены, язык русский берёт источник свой даже в языке Платонов и Демосфенов, Пиндаров и Феокритов; он есть ближайшая отрасль славянского, а славянский образован и напитан тем языком, который достоин был самих богов древности, на котором говорили музы и грации, эроты и зефиры. Язык предков наших был зеркалом

греческого: он принимал в себя, переливал, присвоивал и утверждал в употреблении своем все обилие, всю звучность и гармонию того слова, которого нет уже и которому не было равных. **Славянский, образуя любимое творение своё - язык российский, отдал в наследство ему и обилие греков, и свое собственное богатство.** Какое многообразие слов в языке нашем не только для выражения понятий, но и самих оттенков, переходов и переливов чувствований! Какое множество слов почти однозначных, но чудесно рисующих мысль нашу, как кисть великого художника рисует едва приметные переливы света и тени! Мы говорим: *блеск, свет, отблеск, сияние, блистание, мерцание*. Говорим: *рука, десница, мышца* – слова почти однозначные, но какое тонкое различие и постепенность! Какое обилие и богатство! И сколько неисчерпаемых сокровищ хранится для нас на языке славянском! Мы не можем завидовать обилию языков иноплеменных.

Свободою ли в расположении слов? Но сей свободы ни один почти из новейших языков не имеет; ни один, стесненный правилами, не может следовать первым впечатлениям природы, иногда нечаянно, необыкновенно представляющей понятия. Сие право осталось только в языках древних, перешло в славянский и благоразумно сохранилось в российском. Величественное слово наше свободно в течении своем, как ручьи, журчащие меж цветами, и мы можем гордиться сим преимуществом пред другими.

Благородством ль? Важностию? Быстротою? **Но российское слово вмещает и благородство греков, и важность римлян.** Мы так же, как Цезарь, можем сказать быстро и величественно в трех словах: *пришел, увидел, победил*. **Какое слово может сравниться подобною быстротою?**

Пошел – и где тристаты злобы?
 Чему коснулся – все сразил.
 Поля и грады стали гробы.
 Шагнул – и царство покорил! –
 Черная туча мрачных крыла
 С цепи сорвав, воздух покрыла,
 Вихрь полунощный, летит богатырь:
 Мрак от чела, с посвиста пыль,
 Молнии от взоров бегут впереди,
 Дубы грядою лежат позади.
 Ступит на горы – горы трещат;
 Ляжет на волны – бездны кипят;
 Граду коснется – град упадет –

Один только дух Римникского, Гений Барда и **величество российского слова** способны к такой быстроте и важности.

Выразительностью ли и гибкостью ли слова? **Но сие свойство есть отличие Российского слова.** Какая всеобъемлющая, быстротекущая плавность сливает сии звуки и понятия вместе: мы слышим и видим в песнях

бардов: там серпокогтистый орел несет огнекрылатые, всесокрушающие громы и готов грянуть на серебро-лунное царство. - Здесь колеблется черно-кудрявый лес и беловласые степи. - Меж тем на темно-голубом эфире разливаются серебро-розовые лучи света и тихокрылый, нежнострастный зефир шепчет с полуоткрытою розою. Вдали роговетвистая серна пробегает на тундры, и ее страшит шум бури и хрупкий под ногами лист. Какая гибкость в соединении понятий! **Какая лёгкость в представлении картин в одном слове!** Мы, юные питомцы, приблизясь к правилам, увидим, какая выразительность заключается в действиях однократных и многократных, во множестве слово-сокращающих причастий и, наконец, в тройном переходе каждого действующего глагола. Здесь скажем только, что выразительность и гибкость суть преимущества русского слова, и повторим: **«Каким превосходством языка могут гордиться пред нами иноплеменные?»**

Гармониею ли? Подражанием природе? **Но язык российский есть самая музыка.** Где найдем сие различие звуков, коих имеем больше десятию, нежели все другие? Сию стройную, величественную гармонию, которой дивятся сами чужеземцы? Где столько нежных и звучных тонов, коих источник сама природа? Отдайте их тонкому слуху и нежному чувству; пусть гений музыки расположит их так же, как быстрое *аллегро* или томное адажио, и вы услышите громы Вечного, когда Он вещает устами холмогорского поэта:

И вдруг быстротекущим блеском,
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебал.

И Бард Невы повторяет отзывы громов его в шумящем водопаде:
Грохочет эхо по горам,
Как гром, гремящий по громам.

Там, под кровом майской ночи, вы слышите в песнях бардов и треск, и трели певца лесов:

Твой глас отрывной, перекаты
От грома к нежностям, от нег
Ко плескам, трескам и перунам
Средь поздних, ранних, красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Вы слышите жалкий стон и нежные перекаты голоса Орфея лесов:
Ты щелкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвеньи души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

Там слух ваш пленится волнением и шумом моря:
 Безмолвно по брегам шумящих волн течет.
 Вы удивитесь, слыша в звуках нашего слова самый бег быстрого коня:
 От топота копыт пыль по полю несется.
 Удивитесь, слыша самое дыхание Зефира, когда сын природы поет:
 Плачьте, нимфы! нет Орфея!
 Ветр унылый, тихо вея,
 Нам вещает: нет его.

Какая живая гармония Природы! Здесь каждое чувство видимо и слышно, каждое слово имеет свою жизнь, свою душу. Представьте барда, сидящего на холме, при восхождении солнца, где он, окруженный красотами природы, вещает величество Бога, гармонию создания – все безмолвствует – звуки голоса его подобны тонам лирным: в них слышны удары громов, шум волнующегося моря и содрогание робкой серны; голос его привлекает зверей и птиц; ибо все, имеющее чувства, пленяется гармониею: и воображение ваше перенесется в мир волшебства, и баснь Орфеев и Амфионов оживится. Какое величество слова, достойное могущества и славы россос, достойное нашего века!

Если справедливо, что языка совершенного нет и быть не может, ибо в природе несравненно больше предметов, нежели в языках слов; если справедливо, что близким к совершенству почитается тот язык, в котором есть обилие слов и выражений, в котором есть свобода в расположении, гибкость в соединении и живость в представлении картин и понятий, который, наконец, имеет свои тоны, благозвучность и подражательную гармонию, то мы можем справедливо и торжественно сказать, что слово российское ближе и удобнее к совершенству, нежели все языки иноплеменных.

Творениями ли стран чуждых? Подлинно они велики и достойны внимания, ибо собраны веками и продолжительною опытностию, но Россия единым столетием как единым шагом их достигла. Чье сердце не исполнится восторга в беседе Ломоносовых, Херасковых, Богдановичей? Чей дух не пленится творениями российских гениев? **Сильно и разительно витийствуют наши ораторы, и дар слова движет и колеблет сердца россос.** Нежно и сладостно поют наши скальды, и жар чувства и вкуса разливается по северу. Величественно и чудесно гремят наши барды, и звон со струн их *сыплется горящим искр дождем вместе с восторгом в душу.* Прострите слух и взоры на величие пиршества:

Богатая Сибирь, наклоншись над столами,
 Рассыпала на них и злато и серебро;
 Восточный, Западный седые Океаны,
 Трясая челами, держали редких рыб.
 Чёрно-кудрявый лес и бело-власы степи,

Украйна, Холмогор несли тельцов и дичь.
 Венчанна класами, хлеб Волга подавала,
 С плодами сладкими принес кошницу Тавр;
 Рифей, нагнувшись в топазны, аметистны,
 Лил (в?) кубки мед златой, древ искрометный сок
 И с Дона сладкие и Крымски вкусны вина.
 Прекрасная Нева, прияв от Бельта с рук,
 В фарфоре, кристале, чужие питья, снеди,
 Носила по гостям, как будто бы стыдясь,
 Что потчивать должна так прихоть поневоле.
 Обилье тучное всем простирало длань.
 Картины по стенам, огнями освещенны,
 Казалось, ожили и рдяны лица их,
 Из мрака выставя, на славный пир смотрели.
 Лукуллы, Цезари, Траян, Октавий, Тит,
 Как будто изумясь, сойти со стен желали
 И вопросить: «Кого так угощает свет?
 Кто, кроме нас, владеть отважился Вселенной?»

Кто, кроме российского барда, отважился бы изобразить такое величие? Или желаете ли зреть ратоборство богатырей:

Я зрел с ним бой Мегмета-Кула,
 Сибирских стран богатыря:
 Рассыпав стрелы все из тула
 И вящим жаром возгоря,
 Извлек он саблю смертоносну:
 «Дай лучше смерть, чем жизнь поносну
 Влачить мне в плене!» - он сказал
 И вмиг на Ермака напал.
 Ужасный вид! Они сразились!
 Их сабли молнией блестят,
 Удары тяжкие творят
 И обе разом сокрушились.
 Они в ручной вступили бой:
 Грудью с грудь и рука с рукой.
 От вопля их дубравы воют,
 Они стопами землю роют;
 Уже с них сыплет пот как град,
 Уже в них сердце страшно бьется,
 И ребра обоих трещат;
 То сей, то оный на бок гнется,
 Крутятся и Ермак сломил!
 «Ты мой теперь! – Он возопил, –

И все отныне мне подвластно!

Кажется, видим и чувствуем усилия богатырей. **Здесь в звуках слова – и живопись, и музыка.** Кто, кроме российского певца, дерзнул бы сказать:

Речешь – и двинется полсвета,
 Различный образ и язык:
 Тавридец, чтитель Магомета,
 Поклонник идолов калмык,
 Башкирец с меткими стрелами,
 С булатной саблею черкес,
 Ударят с шумом вслед за нами
 И прах поднимут до небес!
 Твой Росс весь мир дрожать заставит,
 Наполнит громом чудных дел
 И там столпы свои поставит,
 Где свету целому предел!

И сие стройное, величественное слово может быть оставлено? И сей живой, подражательной музыке дерзают предпочесть звук иноземный? Доколе не истребится предрассудок, воскормленный млеком чуждым? И прилично ли россу – воззрите на него: чело его, рожденное для лавров, так гордо и величественно; его взор, зеркало души великой, так быстр и пронизателен; его грудь твёрдокаменная так пламенно горит любовью к царю и Отечеству; его десница, как гром небесный, так ужасна противным; **и его слово так обильно и живописно, как красы лугов и долин; свободно в течении своем как ручьи, журчащие между цветами;** выразительно и звучно как гул громов и трели соловья в пустыне; **и, наконец, величественно и чудесно, как самая природа – и прилично ли россу отдать преимущество в слове иноплеменным, отдать и раболепствовать перед самым их томным и диким произношением?**

Но сей огонь на лицах ваших, но сие чувство во взорах говорит, что вы не отдадитесь предрассудкам сердца юного. Обратите внимание к словесности российской, к наукам, ко всему высокому, прекрасному и великому, и - под сенью августейшего трона, при благотворном содействии свыше, образуя дух и сердце величием деяний, ум науками, а чувства вкусом, расцветёте душою, воскрылитесь, подобно птенцам орлим, и воспарите в путь славы по стопам предков ваших.

Сего желают от вас родители и наставники, сего ожидает высокое покровительство мецената, сего требует отечество и высочайшая воля августейшего монарха.

ПЕСНЬ
НА ОТКРЫТИЕ ЛИЦЕЯ В САРСКОМ СЕЛЕ

Рекла Елизавета, владевшая полсветом, —
И новый луч зари на брег Невы блеснул.
Умолк на Севере, туманами одетом,
Зверей и вещей птиц далеко слышный гул;
И там, где борются седые мразы с летом,
Где в гробе красоты природы взор заснул,
Явился рая вид средь счастья и отрады,
И ныне в нем воскрес Храм древняя Эллады.

Се воспитание со взглядом прозорливым
Ведет *неопытность* в сей новый храм рукой,
Невинность кроткая, с веселием счастливым,
И послушание, поникшее главой,
Смиренье робкое с *усердием* стыдливым,
Соревнование, неся венец златой,
Вослед поспешный *труд*, заботой омраченный,
И опыт, временем искусству наученный.

Се идут в новый Храм монарха по глаголу
И, в кротости души колена преклоня,
Приносят жертву чувств Отечества к престолу,
Благословляя час торжественного дня.
В благоговении склоняют взоры долу,
С душою кроткою, но полною огня,
И быть полезными Отечеству желают,
И муз и гениев Эллады призывают:

«Придите, кроткие, с афинскою богиней,
Несите все дары и счастье с собой.
Здесь узрят образ ваш древа во влаге синей,
Прохладу принесет вам вечер голубой;
Туман расстелется в лугах, как белый иней,
И эхо вашу песнь отгрянет за горой.
Придите, кроткие, в покров гостеприимный,
Здесь ждет вас Меценат с любовью взаимной.

Здесь царство красоты цветущия природы,
Там роща мрачная почил в тишине;
Здесь дремлют в берегах едва журчащи воды,
И ветви древ густых сплелися в вышине.
Они составили цветущи, зыбки своды,

Сквозь кои луч с рекой играет при луне;
Здесь царство тишины и сладких вдохновений,
Здесь вокруг невидимо витает песней Гений.

Для вас наполнены места сии красами,
Навстречу вам летит с прохладой Зефир,
Древа колеблются кудрявыми власами,
Для вас дыханьем роз волнуется эфир;
Вам эхо, радуясь, хохочет меж лесами,
Природа нежная для вас готовит пир
И в шепоте цветов, и в пурпуре наливном,
И в трелях соловья, и в пенье бардов дивном.

Таков Темпейский вид, Эротами хранимый,
Где в зланных берегах влечет струи Илисс,
Таков Элладский берег, в красах неистошимый,
Где радость между роз и ветви древ сплелись.
Там гении вокруг, принявши вид незримый,
Над божеством страны, Афиною, вились;
Здесь также некогда Богиня обитала,
И слава вокруг нее невидимо летала.

Величеством, красой и важностью блистая,
Царица в сих местах владела царств судьбой,
Десница грозная, но в милости благая,
Бросала гром на злых, даря благим покой,
И кротко счастью, судьбе повелевая,
Преобращала в рай места сии собой.
Тогда под кроткими Богини сей стопами
Ковры среди лугов из роз сплетались сами.

В блаженный утра час, когда лучи светила
Верхи зеленых древ и башни озлатят,
Она на зланный холм безмолвно восходила,
Оставя тихий сон средь блещущих палат,
И там Творцу миров молитву приносила:
«О Ты, Которого глаза мои не зрят,
Но сердце чувствует и дух благоговеет,
Который все живет и солнцем землю греет!

Пошли, Невидимый, твои дары благие:
Премудрость, истину и кроткую любовь,
Чтоб утвердить могла я дни людей златые,
Образовать сердца, рассеять мглу умов,

Но если должно так, чтоб гибли в свете злые,
Они, как прах, падут от ярости громов.
Но Ты, Вседержущий, пошли благую долю
И сердце чистое прими в святую волю».

Царицы кроткий глас был Вышнему приятен,
Он сердце благостью и разум просвещал.
Блаженство вокруг лилось, как запах ароматен,
И счастье цвело, как кедр Ливанских скал.
Здесь глас гонимого всегда был трону внятен.
Невинность - истину, мир - правду обнимал.
Когда Великая народов спор судила,
Премудрость с благостью пером ее водила.

Нередко, восседа полсвета на престоле,
Она внимала здесь гремящих бардов звук!
И днесь, последуя благой, священной воле,
Властитель севера, ея державный внук,
Умножил здесь красы и возвеличил боле,
Он древний воскресил в местах сих Храм наук.
И к юности простря с величьем кротость взора:
«Цвети, Он рек, - и будь Отечеству опора».

О россы юные! Кто счастливей судьбою?
Благословите вам начертанный удел!
Красуйтесь в тишине с невинной простотою,
Властитель Севера на вас свой взор низвел!
Цветите кротостью и благостью святою,
Питайте юный дух величьем славных дел;
Пусть жизнь и счастье и ваши дни невинны
Текут, как ток ручья между цветов пустынный.

Пусть в мире, в тишине ваш возраст безмятежный
Всю нравов чистоту и сердце соблюдет.
Да Сам Невидимый Отец небесный, нежный,
На вас прольет дары и вечной правды свет.
Готовьте ум и дух и сердце в путь надежный,
Когда Отечество вас к славе призовет.
Растите, юные, душою расцветая,
Как розы ранние в благоуханье мая.

Тогда потухший блеск стенающей Эллады,
И музы, преклонив печальные главы,
Оставят древний холм и опустевши грады,

И в сей цветущий край придут на брег Невы.
И здесь под сению и счастья и отрады,
Пробудят песнями гремящий глас молвы.
Вдохнут вам знаний свет, огонь песней, вкус и чувство
И трогать и пленять волшебных муз искусство.

Тогда, соединив свой глас со гласом лирным,
Они блаженство дней российских воспоют;
И в час, когда поля дыханием зефирным
И ранние цветы в долинах оживут,
Они при звуке лир по всем странам обширным
Дела монарховы в потомство предадут.
И песни громких арф по холмам пронесутся
И гулом средь дубрав в пустынях отдадутся.

ХОР

Почийте, грома огнекрылы,
Несись в подлунной, славы звук:
Велик на севере царь силы,
Монархини великой внук!
Подъяв честь греков из могилы,
Он зиждет новый храм наук.
Славься арфами, царь мира,
Как светла твоя порфира!

Как утром, в час благоуханный,
Пробудится весны краса,
И с холма чрез эфир пространный
Восходит к небу дань — роса,
К тебе, монарх сердец избранный,
Так взыдут наши голоса.
Славься арфами, царь брани,
И прими от сердца дани!

Твой взор для муз есть дар бесценный,
Их песнь — монарху фимиам;
Как блеск зари сквозь мрак осенний,
Пройдет твой к поздним луч векам!
Ты музам дал покров священный,
Хвала, хвала твоим делам! —
Славься арфами, царь славы,
Вечен блеск твоей державы!

Н. Кошанский

**Н. Ф. КОШАНСКИЙ – УЧЕНЫЙ, УЧИТЕЛЬ,
ФИЛОЛОГ, РИТОР**

Судьба Кошанского, ученого-классика, учителя Пушкина и других царскосельских отроков в истории русской науки парадоксальна и несправедлива: над мнениями ученых авторитетов, советовавших изучать „старинные реторики“ (Б. В. То-машевский), „публиковать Кошанского“ (устные высказывания акад. В. В. Вино-градова) возобладали оценки „смуглого отрока“, утверждавшего по-мальчишески „Не нужны мне твои уроки, я знаю сам свои пороки...“, и критика Белинского, отрицавшего риторик и решавшего революционные задачи перестройки русской словесности. Но факты ясно говорят: это был самый популярный и издаваемый автор учебников языка и словесности, по которым учились русские дети в первой половине XIX века.

Как бы противоречиво ни оценивались личность и труды Кошанского, надо прежде всего сказать, что труды попросту малознакомы нашему современнику, а потому отсутствует возможность их объективной оценки. „Благодарные потомки“ должны, наконец, отдать должное учителю Кошанскому и объективно посмотреть, каковы учительные истоки, на каком материале выростали лучшие русские люди, в сущности, весь девятнадцатый век. А человека, безусловно, взращивает школа: „в начале жизни школу помню я...“ (Пушкин).

Может быть, виной педантизм и строгость учителя Кошанского, который, видимо, „осуждал“ писанья „смуглого отрока“, но мог ли отрок сам выработать технику стиха, не будь у него с самого начала строгого и хорошего учителя? Разве не ясно каждому, что к Кошанскому в критических стихах Пушкина (их анализ см. ниже) обращается обиженная и неопытная „ветренная младость“? Тем более что перед этим юный Пушкин и его друзья варили пунш и почти кутили с другим учителем – Галичем, „верным другом бокала“ и „подушки“, рифмованной с „по-дружки“...

Благодарность Кошанскому выражали многие ученики Царскосельского лицея, а о соединении в его „методе“ дисциплинированной строгости, любовного внимания и творческого остроумия свидетельствуют как его пометы на полях первых литературных опытов лицеистов, так и многочисленные воспоминания бывших его учеников.

Но главное, чем должен пленить нашего современника образ профессора русской и латинской словесности – необыкновенная судьба образованного ученого-учителя, знатока классических языков (к 1811 году вышли его книги с комментариями на греческом и латинском языках), русской древности, современных ему научных трудов.

Об авторитетности профессора Кошанского среди учителей Лицея говорит тот факт, что он был избран секретарем конференции Лицея (должность, схожая с нынешним главой ученого или педагогического совета). „Метода“ Кошанского воспитывала в юных лицеистах ту дисциплину ума, устремленность сердца, способность вдохновенно трудиться и, главное, любовь к писанию, творчеству, и первые строгие уроки литературного творчества Пушкин и его друзья получили именно от Кошанского.

Кошанский ставил розу в стакан воды и предлагал описывать ее „по частям“. Рождались первые пушкинские стихи: „Где наша роза, / Друзья мои? / Увяла роза, / Дитя зари...“

Революционеру-демократу Белинскому такой метод учения казался схоластическим, „пошлым и вульгарным“, как и „все реторики“, но всякому учителю очевиден педагогический прием наглядности, а творческой увлеченности Кошанскому было не занимать – об этом говорят его остроумные и многочисленные заметки на полях

сочинений учеников-лицейстов.

Таким образом, направление ума и поэтических вкусов задано А. С. Пушкину и его друзьям лицейскими учителями-словесниками, а первое пробуждение лицейской музыки поэта, по мысли наиболее раннего биографа В. П. Авенариуса, „должно быть всецело отнесено к заслугам профессора латинской и российской словесности Кошанского“⁶.

Точная дата рождения Николая Федоровича Кошанского неизвестна – 1784 или 1785 год. Он учился в Московском университетском пансионе одновременно с В. А. Жуковским, а будучи студентом Московского университета, преподавал риторику в Университетском благородном пансионе и Московском воспитательном доме, Екатерининском московском институте, пансионатах и частных домах. В 1802 году Кошанский окончил Московский университет сразу по двум факультетам: философскому (с золотой медалью) и юридическому. Затем преподавал латинский и греческий язык в университетской гимназии, российскую риторику в Московском университетском пансионе, а с января 1805 г. был магистром философии и свободных наук. В 1807 г. Кошанский защитил диссертацию „Изображение мифа о Пандоре в античных произведениях искусства“ (на латинском языке), получив степень доктора философии.

Ко времени открытия Царскосельского лицея в 1811 году это был молодой, известный филолог-словесник и ученый-искусствовед, профессор русского и латинского языка и словесности. Кошанский преподавал в Лицее российскую словесность и латинский язык вплоть до 1828 года, когда по состоянию здоровья вынужден был покинуть службу. Я. К. Грот, учившийся в Лицее с 1826 года, среди „очень хороших профессоров“ называет Кошанского – „по русской и римской литературе“⁷. К концу своей педагогической и ученой карьеры Кошанский накопил огромный опыт, который реализовал в двух учебниках „Общая риторика“ (1829) и „Частная риторика“, вышедшей посмертно в 1832 году. (Кошанский скончался в конце 1831 года в Санкт-Петербурге при вспышке эпидемии холеры.) С тридцатых годов XIX века наступает слава Кошанского как создателя известных учебников „риторики“, по которым учились несколько последующих поколений российских учащихся.

Преподаванию филологических наук и прежде всего „русской словесности“ в Лицее уделялось главное внимание. Хотя специальный предмет „русский язык“ отсутствовал в расписании лицейских дисциплин, но очевидно, что русскому языку и словесности (античной, отечественной, иностранной) отводилась первенствующая роль.

В. П. Авенариус так описывал занятия Кошанского: „Страстный любитель древней классической поэзии, талантливый переводчик многих классических произведений, Кошанский с увлечением молодости старался втянуть и своих юных слушателей в этот, отошедший уже в вечность, но все еще чарующий мир. А на уроках русского языка, рядом с заучиванием од Ломоносова и Державина, басен Хемницера и Крылова, он посвящал мальчуганов и практически в тайны стихосложения“⁸. Очевидно, в отборе текстов для занятий сказывался вкус Н. Ф. Кошанского: он не только предлагал классические образцы (их воспитательный эффект очевиден), но в 1826–28 годах, наряду с текстами Гомера, Корнелия Непота и Федра, разбирал тексты Пушкина и Жуковского, о чем вспоминает учившийся в эти годы в Лицее Я. К. Грот.

Оценки Кошанского как современниками, так и потомками противоречивы. Едва ли не основным аргументом в отрицательной оценке Кошанского послужило обращение к нему самого Пушкина в стихотворении „К моему Аристарху“. Любопытно восстановить по тексту стихотворения личность Кошанского, способ его преподавания и общения с учениками. При этом будем помнить, что стихи пишутся 16-летним юношей зрелому учителю и для объективного суждения об их отношениях необходимо помнить о создании юным поэтом определенного „образа автора“ с вольной

⁶ Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. М., 1993, с. 78.

⁷ Грот Я. К. Из лицейских воспоминаний Я. К. Грота (VI курса: 1826–1832) // К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1998, с. 475.

⁸ Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. М., 1993, с. 78.

философией и смелыми взглядами на мир:

Помилуй, трезвый Аристарх,⁹
 Моих бахических посланий,
 Не осуждай моих мечтаний
 И чувства в ветреных стихах...

Кошанский не просто разбирал – и, видимо, весьма критически – первые стихотворные опыты лицеистов. Он даже запрещал писать собственные стихи до определенного этапа, когда ученик познакомится с азами „стихотворения“ (это слово понималось еще авторами Словаря Академии Российской буквально – как наука о творении стихов). Едва ли своенравному и обидчивому отроку могло понравиться строгое и требовательное отношение, возможно, примененное Кошанским, но как точна оценка учителем юношеского характера Пушкина, сделанная уже в марте 1812 года: „Александр Пушкин больше имеет понятливости, нежели памяти, более имеет вкуса, нежели прилежания, почему малое затруднение может остановить его, но не удержит, ибо он, побуждаемый соревнованием и чувством собственной пользы, желает сравниться с первыми питомцами. Успехи его в латинском хороши, в русском не столь тверды, сколь блистательны“¹⁰.

Обратим внимание на это слово: „блистательны!..“

Кто прав в этих спорах – юный ученик (хотя и Пушкин) или опытный учитель, не будем выносить скорого суждения, но учительский опыт подсказал бы не только учителю, как неохотно юные подростки выслушивают критические замечания, за которые бывают благодарны впоследствии. Кстати, именно таким, абсолютно неспособным к восприятию каких-либо критических замечаний, проигрышу в спорах, но искренним, азартным, увлекающимся представлен Пушкин в биографии Авенариуса. Впрочем, повесть Авенариуса, несмотря на лежащие в ее основе документальные свидетельства, художественна, а диалоги выдуманы, теперь же пора восстанавливать объективную картину.

Очевидно, что учитель „осуждает“, а самолюбивый талантливый ученик не терпит критики. Внимательные исследователи педагогики Царскосельского лицея давно подметили обратный смысл пушкинских „ярлыков“, повешенных на Кошанского и ставших препятствием на пути объективной оценки личности педагога. Да, юный автор называет своего наставника „цензором угрюмым“, „скучным проповедником“, считает ненужными „уроки учености сухой“ и просит умерить „ученый вкуса гнев“. Шестнадцатилетний поэт протестует против усидчивости, свойственной бездарным рифмачам, которые „сидят три ночи сряду и высидят трехстопный вздор“, защищает свободное творчество – „непринужденное упоенье“, когда „нечаянной порой стихи кропать найдет охота“. З. И. Равкин справедливо подметил в этих упреках и вызывающих возражениях юноши-Пушкина свидетельство серьезного отношения Кошанского к поэтическим дебютам своего воспитанника. Впрочем, и сам Пушкин проговаривается относительно своих ошибок и погрешностей, на которые, не без основания, указывал ему Кошанский:

За рифмой часто холостой
 Назло законам сочетанья,

⁹ Решаемся сделать одно важное текстологическое исправление. Первые две строки обычно печатаются с опущением запятой в конце первой строки:

Помилуй, трезвый Аристарх
 Моих бахических посланий...

Хотя имя Аристарха и „стало нарицательным для строгого и педантичного судьи“ (как об этом говорится в комментариях), в русском языке нет выражения „Аристарх... посланий“ как обличитель чего-либо. Очевидно, что „трезвый Аристарх“ – обращение, и мы имеем выражение „помилуй... моих бахических посланий“ (вариант родительного падежа вместо винительного – наложение род./вин. одушевленного на им./вин. неодушевленного). Так что с уверенностью полагаем, что начало стиха должно быть с запятой, обрамляющей обращение в конце первой строки:

Помилуй, трезвый Аристарх,
 Моих бахических посланий...

¹⁰ Пиксанов Н. Н. Ф. Кошанский // Пушкин А. С. Собрание сочинений / Под ред. С. А. Венгерова. – СПб., 1907, т. 1, с. 255.

Бегут трехстопною толпой
 На „аю“, „ает“ и на „ой“...
 Я ставлю (кто же без греха?)
 Пустые часто восклицанья
 И сряду лишних три стиха.

Не Кошанскому ли должен быть благодарен Пушкин, научившийся внимательной критике стиха (вспомним его тонкие разборы в письмах, насмешки над банальными рифмами типа: „И вот уже трещат морозы... Читатель ждет уж рифмы розы“)?

Здесь же юный Пушкин сформулировал свою литературную позицию, близкую к эпикурейской философии наслаждения жизнью и удовольствий, отсутствия отягощающих трудов, догматических правил и т. д. Что это, как не традиционная юношеская бравада, противопоставляемая родительскому или учительскому опыту и столь знакомая всякому, кто перешел юношеский возраст?

Объяснение Пушкиным своей позиции – прямой намек на содержание занятий Кошанского:

Плоды веселого досуга
 Не для бессмертья рождены,
 Но разве так сбережены
 Для самого себя, для друга,
 Или для Хлои молодой.
 Помилуй, сжался надо мной –
 Не нужны мне твои уроки.
 Я знаю сам свои пороки.

Конечно, так: профессор-учитель толкует о „бессмертии“ и лучших сочинениях литературных классиков, а у юного отрока все помыслы о „Хлое молодой“, или о „друге“, или о „самом себе“. И вообще лучше говорить не о чем-то серьезном и важном, а о „веселом досуге“. Не в этом ли противопоставлении и сопротивлении и готовятся будущие „бессмертные“ стихи поэта и откуда бы взялась его „техника стиха“, не получи он ее от строгого и требовательного учителя? В тайнах творчества мы более всего склонны полагаться на силу таланта и вдохновение, не отдавая должное труду и упорству, которое является не только личным качеством художника (в том числе, Пушкина), но также воспитывается учителем и наставником.

И, конечно, противопоставление таланта, вдохновения, легкого содружества с музой – унылому труду, правилам, „кряхтенью“ над рифмой – в сущности это будущий конфликт „гуляки“ Моцарта и „ремесленника“ Сальери. Хотя очевидно, что всякий настоящий художник знает, что такое труд, только имеет свой „образ“ труда. Здесь же ясно, что бравирующий ученик самонадеянно пишет о том, что „знает сам свои пороки“, но с чьей помощью? Не у Кошанского ли и подобных ему учителей выучились Пушкин и его друзья упорному труду, любви к писанию, вдохновению, которое, по словам К. Паустовского, есть „строгое рабочее состояние человека“?

Вот зрелые характеристики педагогического искусства Кошанского, данные ему академиком К. Я. Гротом, учившимся в Лицее в середине двадцатых годов: „Мы заслушивались его рассказов и чтений. Русских поэтов читал он нам в собрании „образцовых сочинений“ и останавливался особенно на Жуковском, сопровождая чтение умным, оживленным комментарием“. „С многостороннею классической образованностью и большой опытностью в преподавании, – пишет другой ученик Кошанского, – он соединял необыкновенно тонкий и изящный вкус, восторженное поэтическое настроение и особенный дар передавать то и другое своим слушателям“¹¹.

¹¹ Цит. по: *Равкин З. И.* Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811–1817 гг.). Историко-педагогический очерк. М., 1999, с. 88.

В Лицее у Пушкина были два учителя словесности – Н. Ф. Кошанский и А. И. Галич. Отношение к А. И. Галичу, заменившему Н. Ф. Кошанского вследствие болезни последнего с 10 мая 1814 года по 1 июня 1815 года, было, напротив, явно дружелюбным. А. И. Галич – антипод Кошанскому: если Кошанский – „угрюмый цензор“, то Галич – любит „праздность и покой“, если Кошанский – „гонитель“, то Галич – „мудрец ленивый“, зовущий „в приют поэзии счастливой“, в ком „трудиться нет охоты...“ Так какой же тип учителя лучше: „гонитель“ и „обличитель“ или „ленивец“ и „верный друг бокала“?

Очевидно, что в Кошанском и Галиче мы наблюдаем два противоположных педагогических метода как типа общения с учениками. Один – представляется строгим и педантичным, но за этими качествами стоит большая любовь к ученикам, дружба с ними и будущая готовящаяся благодарность (что доказывается множеством свидетельств: заметками Кошанского на полях стихотворений, прямыми обращениями к „любезным друзьям“, педагогическими трудами, но также и добрыми отзывами лицеистов). Другой – „беспечен“ и „ленив“, но философическими беседами пробуждает искры вдохновения у своих учеников.

Конечно, большинство наших пушкинистов (Ю. М. Лотман, М. П. Алексеев) попали под влияние оценки юного Пушкина, причислив Галича к разряду „прогрессивных“ и „либеральных“, а Кошанского – к числу „педантов“ и „староверов“. Так, Ю. М. Лотман в биографии Пушкина среди учителей поэта упоминает лишь Куницына и Галича, „не чуждых либеральных идей“, и полагает, что „преподаватели, подобные Куницыну, и директор Малиновский, действовали, главным образом, не лекциями (Куницын не обладал даром увлекательной речи), а собственным человеческим примером, показывая образцы гордой независимости и „спартанской строгости“ поведения“¹². Но что за „спартанская строгость поведения“ у „верного друга бокала и жирных утренних пиров“, обладающего „крепким сном ленивца“?.. И почему бы известному ученому не обратить внимание как раз на того, чьих „рассказов заслушивались“ лицеисты, кто обладал и образованностью, и вкусом, и „особенным даром передавать то и другое своим слушателям“? А если речь идет о настоящем учении, то можно ли чему-либо выучить „образцами гордой независимости“, а не „лекциями“, предполагающими и „методу“, и „педантизм“?

По-видимому, более правы дореволюционные исследователи, нежели Ю. М. Лотман, – они утверждали, что от Галича лицеисты получили чрезвычайно мало, и Кошанскому требовались многие усилия, чтобы вернуть учеников-лицеистов к последовательному учению. Именно к этому моменту „возвращения“ Кошанского и относятся „критические“ стихи Пушкина 1816 года.

Очевидно, что сегодня необходимо увидеть все положительные стороны педагогических методов обоих учителей риторики и словесности в Царскосельском лицее – как Кошанского, так и Галича. В нашей литературе по-прежнему преобладает странное сочетание либеральных взглядов, доставшихся от исследователей дореволюционного периода (Н. Пиксанов, Н. Малеин и др.), и идеологических оценок советского периода (они имеются и у Ю. М. Лотмана, и у З. И. Равкина). Так, безусловно сниженную оценку имеет в описании З. И. Равкина „благонамеренность“ Кошанского (вот Куницын – другое дело!), который нередко вводил в оборот „казенную фразеологию патриотизма и верноподданства“¹³. Теперь читатель Кошанского имеет возможность самостоятельно сделать вывод о том, чему и как учил Кошанский: хороший педагог и не может иметь никаких других намерений, кроме „благих“ и направлять своих воспитанников ни к чему иному, кроме блага и истины.

Кошанский предстает и в «Речи» 1811 года, и в своих „Реториках“ как настоящий патриот, любящий Отчизну вовсе не „странною“, сомневающеюся, а настоящей любовью;

¹² Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., 1982, с. 17–18.

¹³ Равкин З. И. Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811–1817 гг.). Историко-педагогический очерк. М., 1999, с. 87.

наконец, большинству из нас до сих пор трудно понять, что подлинная „верность“ царю-императору, как и лучшим его предшественникам (с какой гордостью и любовью описывается в учебнике деятельность Великих Петра и Екатерины!) ценилась в пушкинское время и была одним из лучших качеств человека-гражданина.

Сомнения в этом высказывала, конечно, революционно-демократическая критика, в плену которой до сих пор продолжает пребывать, в основном, наша филологическая наука. Оценки деятельности царскосельской профессуры зависят от того, насколько они следуют „свободомыслящей и антисамодержавной педагогической концепции“ и в этом смысле Кошанский, конечно, „менее последовательно, чем Куницын и Кайданов“ следовал этой концепции, которая была „характерна для ведущих профессоров Лицея“¹⁴. Однако о Кошанском следует сказать со всей определенностью, что это был человек, преданный монархической самодержавной власти, что несколько не мешало ему защищать идеалы вольности и свободы. Так, в „Ручной книге древней классической словесности“ 1816–1817 гг. он объясняет причины расцвета искусства в античном мире „образом их правления республиканским и вольным“, а „с утратой свободы греки лишились нравственной деятельности и всех побуждений к славе“¹⁵. Преданность государственной власти и честное служение Отечеству в глазах Кошанского несколько не противоречили идеалам свободы, которая, по его мысли, должна была иметь прежде всего „нравственное“ обоснование.

Педагогические методы Кошанского выглядят особенно выразительно, если их сравнить с методами другого педагога, заместившего его на время болезни, – Александра Ивановича Галича. Пусть в методах преподавания и общения с учениками они достаточно противопоставлены, но схожи в одном: горячей любви к словесности и риторике. Характерно, что оба почти одновременно (это был период смены учебников Министерством просвещения) написали свои учебники: Кошанский – „Общую ретику“ в 1829 году, Галич – „Теорию красноречия“ в 1830 году. Готовя 2-е издание в 1830 году, Кошанский правил текст исходя из „учительских“ установок, например, он добавлял обращение „Любезные друзья!“ в текст 1-й главы и упрощал текст, делая его более понятным для учеников¹⁶. Успех учебников Кошанского превзошел все ожидания: „Общая реторика“ выдержала 10 изданий до 1849 года, а затем продолжала анонимно входить отдельными главами в „Теорию словесности“ 1851–60 гг, составленную И. И. Давыдовым на основе учебников К. П. Зеленецкого.

„Теория красноречия“ А. И. Галича написана „с извлечениями из немецких авторов“, но так писалось большинство наших классических учебников. В отдельных местах книга А. И. Галича замечательна своими практическими советами, например, о том, как надо писать сочинение. Пользование этими советами могло бы принести пользу и современному оратору или писателю – пока отсылаем заинтересованного читателя к двум хрестоматиям по риторике с пространными отрывками из сочинений Н. Ф. Кошанского и А. И. Галича¹⁷.

Каков же Кошанский как учитель риторики – науки, обучающей „мыслям“, хорошей и убедительной речи? Для достижения целей воспитания и образования любого пишущего или говорящего человека, по мнению Кошанского, существуют три средства (и в этом состоит задача риторики): „1. Чтение, 2. Размышление, 3. Собственные упражнения“. Чтение требуется, чтобы замечать лучшие слова, идеи, выражения, прекрасные мысли“, размышление образует „способность рассуждать“, а собственные упражнения необходимы потому, что „кто не упражнялся постоянно в составлении периодов и учебных сочинений, всегда будет не тверд в слоге... и не уметь

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кошанский Н. Ф. Ручная книга древней классической словесности. СПб., 1816.

¹⁶ Анализ правки Кошанским своего учебника при подготовке 2-го издания см. в нашей статье: Кто же автор анонимной „Теории словесности“ 1851–60 годов? // Риторика. 1996, № 1(3), с. 107–123.

¹⁷ Русская риторика / Сост. Л. К. Граудина. М., 1996; Аннушкин В. И. История русской риторики: Хрестоматия. М., 1998.

написать десять строк связно¹⁸.

Кошанский и будет постоянно заниматься требованием чтения, образования ума через „размышление“ и, конечно, тренировкой поэтического таланта лицеистов. Вывод о том, что Кошанский „действительно сыграл большую роль в литературном образовании и развитии как самого Пушкина, так и его товарищей“, делает и академик К. Я. Грот, сын лицеиста Я. К. Грота, учившегося у Кошанского в 1826–1828 годах¹⁹. Практическое посвящение в тайны стихотворства имело определенную методику, безусловно отраженную в современной речевой педагогике. Так, именно учитель задает темы сочинений. Темы были преимущественно нравственно-этического характера, например, тема для рассуждения Илличевского, который первое время считался главным лицейским поэтом и лишь позднее уступил пальму первенства Пушкину: „Строгое исполнение должностей доставляет чистейшее удовольствие“. Или пространное стихотворение Кюхельбекера на тему, несомненно также внушенную Кошанским: „Бессмертие есть цель человеческой жизни“ (отсюда пушкинское: „Плоды веселого досуга не для бессмертья рождены...“). Эти темы могут показаться сегодняшнему учителю и ученику (особенно такому же пятнадцатилетнему) чересчур серьезными. Но из Пушкина и его товарищей эта возвышенная и осужденная некоторыми критиками риторичность (В. Г. Белинский) готовила философски серьезных и государственно мыслящих людей, умевших быть весельчаками на дружеской пирушке и государственными мужами в деловом собрании.

От „бессмертия“ и „строгости исполнения обязанностей“ легко перейти к шуткам и словесным играм, наполняя и само легкомыслие философской глубиной. И это методический постулат для наших современников: не от развлечения – к глубокомыслию, а от серьезных нравственно-этических раздумий – к стиливому разнообразию мыслей, чувств и словесного выражения.

Кошанский получал от лицеистов их стихотворные произведения и давал им словесные оценки. Причем, инициатива исходила, конечно же, от учителя. Мнение лицеиста М. А. Корфа, щедрого на несправедливые и суровые приговоры, о том, что Кошанский преследовал лицеистов „за охоту писать стихи“, приходит в противоречие с очевидными фактами и свидетельствами других учеников Лицея. И. И. Пуцин вспоминает, как однажды Кошанский кончил лекцию раньше и сказал: „Теперь, господа, будем пробовать перья. Опишите мне, пожалуйста, розу стихами“. Стихи других воспитанников не клеились, а Пушкин мгновенно сочинил два своих знаменитых четверостишия, чем привел в восторг и Кошанского и товарищей.

Кстати, можно реконструировать (естественно, предположительно, но с достаточной степенью достоверности), что Кошанский потому запрещал начинать „писать стихи“, что сначала хотел привить своим воспитанникам чувства меры и вкуса вместе с определенными законами „стихотворения“, что вовсе не предполагало, как видим, запрета, но наоборот, только раззадоривало в интересах к самостоятельному творчеству самых талантливых учеников. А уж о творческой самостоятельности и, как писали раньше, „самодеятельности“ учеников Кошанский никак не забывал: „Преподавая латинский язык и русскую литературу, он (Кошанский – В. А.) занимал нас почти только практически и умел в высшей степени возбудить наше внимание, расшевелить нашу самодеятельность“²⁰.

Образцами внимательнейших и остроумных разборов стихов и сочинений лицеистов являются заметки Кошанского в текстах лицеистов. Вот, например, на первое стихотворение Алексея Илличевского „Добродетель“ он записывает: „Мысль и стихи очень хороши“. К сочинению в прозе „Бурная ночь“, кроме заметки на полях „C'est beau“? значимый учительский совет: „Окончание прекрасно. – NB. Владая языком, должно уметь употреблять его. – План вашей *бурной ночи* несколько *темен* – не везде верно изображение природы – особенно переход от вечера к утру. Есть много слов излишних, много не то

¹⁸ Общая риторика Н. Кошанского. СПб., 1830, с. 3–4.

¹⁹ Грот К. Я. Пушкинский лицей. СПб., 1998, с. 159.

²⁰ Грот К. Я. Указ. соч., с. 160.

значащих, что Вы сказать хотели. Но все вообще показывает Вашу способность владеть языком и счастливый дар легко выражать мысли и чувства. Прошу Вас, М. г., быть осторожным в выборе слов и заменять все бурносмешное скромным благоприличием и тихим чувством. *Ваш слуга Кошанский*²¹.

Стиль уважительного и требовательного общения с юными лицеистами присущ всей педагогической деятельности учителя Кошанского. Кошанский не только делал письменные критические заметки для своих учеников, но и много беседовал с ними, не жалея времени и сил: „Большую часть замечаний я сказал и скажу изустно...“ – пишет он, разбирая историческую оду „Освобождение Белграда“. Впрочем, затем, как истинно увлеченный человек, подробно разбирает сюжет написанной оды с остроумными замечаниями о том, что описание колодцев может быть „хорошо для историка, а поэту никак нельзя из них напиться“²².

Хотя взгляды учителя представлялись Пушкину и другим лицеистам несколько архаичными, скорее всего, это дань юношеской незрелости, не склонной особенно располагаться к серьезности и требовательности классического учителя. Относительно филологической концепции и методических взглядов Кошанского существует ряд мифов, которые с трудом поддаются пересмотру. Один из таких мифов – тезис о приверженности Кошанского „выспренности“: так, в сочиненных Авенариусом диалогах Кошанского с лицеистами учитель настаивает, чтобы стихи были „подобающе выспренними“²³. Это, конечно, художественная выдумка позднейшего биографа: при всей приверженности классическим вкусам Кошанский нигде не только не настаивает на пустой и холодной „выспренности“ стиля, но напротив: в „реториках“ постоянны требования яркого воображения, искреннего вдохновения, точного „природного“ описания, простоты и краткости стиля. Так, Кошанский пишет, что „*тропы* и *фигуры* тогда только составляют красоту, когда непринужденны, не выисканны“, рождаются „как будто ненарочно“ (Общая реторика, отд. XXX, § 10).

Особо стоит сказать о Н. Ф. Кошанском как филологе самых разнообразных интересов. Хотя Кошанский был известен как литератор и переводчик множества эстетических трактатов и статей, наибольшую славу и влияние принесли ему именно педагогические труды. Учебник латинской грамматики выдержал 11 изданий (СПб., 1811–1844), русской грамматики – 9 изданий (СПб., 1807–1843), „Общая реторика“ имела 10 изданий (1829–1849) и „Частная реторика“ 7 изданий (1832–1849). Количество изданий ясно говорит о влиятельности личности автора и его идей в течение всей первой половины XIX столетия – даже после кончины педагога (1832) его книги продолжали активно переиздаваться. Сегодня уже можно объективно говорить о его приверженности и преданности официальной идеологии: Кошанский предстает в учебниках риторики как патриот, пропагандирующий „веру, царя (точнее бы сказать, царей) и Отечество“. Очевидна его приверженность христианской нравственности, что давало ясную филолофско-этическую основу всему ходу рассуждения. В учебнике много исторических примеров – от Древней Руси до недавней славной истории России в именах Петра и Екатерины. При энциклопедической широте, охватывающей сведения от истории Египта, Греции и Рима до современных трудов по географии, статистике, математике, физике и пр., „Риторика“ Кошанского – своеобразное педагогическое введение в „энциклопедию русской жизни“ не в переносном смысле (как у Пушкина), а в прямом, поскольку содержит весь необходимый охват интеллектуальных сведений для образованного человека первой половины XIX века.

По учебникам Н. Ф. Кошанского учились несколько поколений российских учащихся. Живость изложения, множество дополнительных сведений по логике и эстетике, иллюстрация риторических указаний многочисленными примерами из древней и

²¹ Грот К. Я. Указ. соч., с. 161.

²² Там же, с. 161–162.

²³ Авенариус В. П. Отроческие годы Пушкина. Биографическая повесть. М., 1993, с. 86.

новой литературы снискали Кошанскому славу замечательного писателя-педагога. Если общая риторика излагала общие правила составления сочинений, то частная риторика предлагала правила к отдельным видам: как писать письма, как вести разговоры, как строить учебные и ученые сочинения, каковы разновидности ораторского красноречия, наконец, как пишется художественная (или изящная) проза.

Терминология и общая концепция филологических („словесных“) наук существенно отличалась от современных филологических дисциплин, поэтому небезынтересно разобраться в ее специфике. „Общая риторика“ Н. Ф. Кошанского начата замечательным определением сущности человека, который отличен от „прочих животных“ „силой ума и даром слова“²⁴. Эти две способности являются причиной различия ученых предметов: „сила ума проявляется в *понятиях, суждениях* и *умозаключениях*: вот предмет логики. Дар слова заключается в прекраснейшей способности выражать *чувствования* и *мысли*: вот предмет словесности“.

Дальнейшее определение словесных наук требует выделения трех главных частей: грамматики, риторики и поэзии, граничащих с эстетикой. Предмет грамматики – „слова“, риторики – „преимущественно мысли“, поэзии – „чувствования“. Согласно Н. Ф. Кошанскому, риторика имеет „предметом мысли“ и показывает: „1. откуда они почерпаются (*изобретение*); 2. как приводятся в порядок (*расположение*); 3. как излагаются (*выражение мыслей*)“²⁵. Критики риторики будут утверждать, что „изобретать мысли невозможно“ (К. П. Зеленецкий).

Словесность, названная „способностью выражать мысли и чувствования“, подразделяется на *прозу* (ее изучает частная риторика) и *поэзию*, изучаемую пиитикой.

Термин красноречие прокомментирован у Н. Ф. Кошанского в примечаниях. Если каждая из словесных наук (грамматика, риторика, поэзия) имеет, „как *наука*, свою *теорию*, и как *искусство*, свою *практику*“, то очевидно, что практика риторики ближе всего к традиционному значению слова *красноречие*. В „Частной риторике“, пользуясь терминами „гражданское красноречие“, „политическое красноречие“, „духовное красноречие“ при описании конкретных родов речей, Н. Ф. Кошанский предпочел названию этого вида словесности термин ораторство. Вот его определение: „Ораторство, витийство (*ars oratoria*) есть искусство даром живого слова действовать на разум, страсти и волю других“. В описании действий оратора Н. Ф. Кошанский использует слово „красноречие“ скорее метафорически: „Оратор действует на разум красноречием ума, силою доказательств, убеждений – движет страсти красноречием сердца, жаром чувств, стремлением души“²⁶.

Одним из первых Н. Ф. Кошанский пытается разделить значения словесности и литературы – почему-то в нашей литературе разбор этих различий принято начинать с мнения В. Г. Белинского, писавшего свои статьи значительно позднее и, скорее всего, подсознательно заимствовавшего свою классификацию у критикуемого им „ходульного“ ритора-педагога. В первичном определении Кошанский дает эти термины как синонимы: „словесность или литература вообще наука, объемлющая полное знание одного или многих языков и все письменные произведения и писателей“²⁷. Однако литература – понятие более узкое, относящееся к области письменно-печатной словесности, поэтому существуют понятия истории литературы как „истории писателей“ и „литературы какой-либо науки или искусства – собрания сочинений или писателей по той части“. Толкование основных терминов базируется на филологической культурной традиции, рассматривающей развитие общества в связи с развитием языка или форм словесности. Поэтому „народы дикие имеют язык, но не имеют литературы; а

²⁴ Общая риторика. 2-е изд. СПб., 1830, с. 1–6.

²⁵ Там же, с. 2.

²⁶ Частная риторика. СПб., 1832, с. 76.

²⁷ Частная риторика. СПб., 1832, с. 1.

просвещенные по успехам литературы заключают о степени образования народа²⁸.

Именно Кошанскому принадлежит наиболее разработанное учение об источниках изобретения мыслей. В название первой важнейшей части риторики (после определения „словесных наук“) Кошанский вводит термин „источник мыслей“ и, как бы возражая противникам „источников изобретений“, определяет: „Первый и главный источник всякого сочинения есть предмет, или предложение. Предметом сочинения называют одно понятие, идею, одно слово. Например: *Провидение – Весна – Буря...* Предложение заключает в себе краткую, полную мысль, которая говорит что-либо ясно уму и тайно сердцу“. Итак, главный „источник“ – сам „предмет“. Что система топов вовсе не набор формальных правил для Н. Ф. Кошанского (в чем его обвинят и К. П. Зеленецкий, и В. Г. Белинский), доказывается и последующим рассуждением: „Когда дано или избрано предложение, то прежде всего старайтесь хорошо понять его...“ Таким образом, Н. Ф. Кошанский настойчиво призывает к размышлению, а не к формальному использованию топов.

„Действие“ же „ума“, когда ритор создает новые мысли, слова, выражения, „называется в риторике изобретением“. Классификация „источников изобретения“ Н. Ф. Кошанского настолько педагогически и писательски целесообразна, что на нее и современному учителю следует обратить особое внимание. Согласно Н. Ф. Кошанскому, существуют три рода источников изобретения: первый дает способы распространять одно предложение; второй – „учит из одного предложения выводить другие“; третий – показывает, „откуда почерпаются доказательства, согласные с целью писателя“, и относится к частной риторике.

Первый род источников изобретения включает десять способов: первые три служат к „приисканию слов“ (синонимы, эпитеты, противные); затем – семь известных вопросов *кто? что? где? при чьей помощи? для чего? каким образом? когда?*“. Второй род включает двадцать четыре источника, причем, из предварительных комментариев Н. Ф. Кошанского ясно, что речь идет о порождении или распространении мыслей: „Всякая мысль рождает другую. В каждом предложении таится другое, в другом – третье...“ Как бы отвергая обвинения своих будущих оппонентов в формализации процесса мысли, Н. Ф. Кошанский показывает, как общие места служат риторической педагогике, открывая способности мыслить: „Открывать в одной мысли другие, искать в данном предложении новых значит мыслить. Нельзя тому сочинять, кто не умеет и не хочет думать: хорошо писать значит хорошо думать“.

Сказанное слишком похоже на то, в чем будут обвинять Кошанского его оппоненты – противники источников изобретения: „размышляй!“ – призывают и М. М. Сперанский, и К. П. Зеленецкий, но в сущности ни тот, ни другой не предлагают педагогического метода развития способностей к размышлению. Н. Ф. Кошанский как обоснование обучения „думать“ начинает общую риторику „источниками изобретения“, предваряя их описание вдохновенным пояснением: „Источники изобретения раскрывают ум, развивают мысли. Они укажут вам, с какой точки зрения должно смотреть на предмет или на мысль“. Пользование источниками предполагает избирательность: „Не в каждом источнике вы найдете новые мысли для вашего предложения, но в разных источниках... что-либо новое, изящное, прекрасное“.

Н. Ф. Кошанский фиксирует внимание читателя и учеников (сила его книг – в обращенности к учащимся) на значении теорий изобретения и расположения: „истинное красноречие всех веков и народов состоит в прекрасных мыслях, в искусстве располагать и составлять сочинение, а не в наружности, которая в живом языке пленяет только один век, одно поколение“. Расположение формируется „действием рассудка и нравственного чувства, которые от частых соображений, от частых примеров сами, наконец, образуются, укрепляются и приемлют надлежащее направление“. Понятия

²⁸ Там же.

рассудок, нравственное чувство у Н. Ф. Кошанского не голословны, они как бы терминологизированы, это – реальные действователи или помощники, инструментарий создания речи: „Располагать сочинение значит обнимать рассудком все части его и, соображая одну с другою, назначать по нравственному чувству место для каждой“. Правила, о которых пишет Н. Ф. Кошанский для „юной неопытности“, предвосхищают позднейшие обвинения в адрес „схоластической“ сущности риторики, поскольку всякие правила должны быть подкреплены „собственным размышлением и наблюдательным чтением лучших сочинений“. Точно так же и „искусственность“ риторических правил (при их нормативности) нивелируется, когда видишь рекомендацию Н. Ф. Кошанского „скрывать искусство“, следуя во всем законам „натуры“.

Кроме вышесказанного, в „Реториках“ Н. Ф. Кошанского чрезвычайно важна демонстрация роли гуманитарного филологического знания, ибо именно в формировавшейся с начала века теории словесности и учебниках риторики обобщенно представлялась не только совокупность гуманитарных наук, но и все жанры научных и учебных сочинений. Из учебников Кошанского становится ясно, что такое филология его времени.

Филологическое знание представлено им в строгой стилистической манере перечисления эпох, основных авторов и созданных ими сочинений. Филология как наука охватывает у Кошанского классическое античное знание, новых зарубежных авторов, но, самое главное, „важнейших“ отечественных филологов. В состав филологии включаются все известные авторы по следующим разделам:

1) классические греческие филологи и риторы (Аристотель, Платон, Дионисий Галикарнасский, Димитрий Фалерский и др.), а также критики, мифографы, географы;

2) классические римские филологи (Варрон, Присциан) и риторы (Цицерон, Квинтилиан), а также энциклопедисты, мифографы, географы;

3) книги по словесности у новых народов на латинском, итальянском, английском, французском, немецком языках с перечислением основных авторов;

4) из российских названы „старший по времени филолог В. К. Тредьяковский“, „важнейшие“ филологи (Шишков, Востоков, Ломоносов) и риторы (Рижский, Мерзляков, Никольский, Толмачев). К „превосходным учебным книгам языка“ отнесены Кошанским *Грамматика* и *Словарь* Академии Российской. После ученых книг исчислены *собрания образцовых сочинений* и их авторы: В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, Н. И. Греч.

Современного исследователя не может не поразить обширность сведений, которыми владел Кошанский – ученый-учитель, филолог-ритор, пытавшийся систематизировать и описать все известное его времени словесно-гуманитарное знание. Ни до, ни после Кошанского создать такое обобщенное описание филологии своей эпохи не удавалось ни одному российскому ученому. Личность и труды Н. Ф. Кошанского, филологического учителя царскосельских отроков, только начинают оцениваться его потомками. Если исследователи современной научной риторики давно признали Н. Ф. Кошанского своим классиком, то современной школе и широкому читателю этот замечательный педагог, ученый и писатель-стилист только начинает открываться. Своим потомкам-ученикам он оставил замечательное наследие, благословляя их словами: «Растите, юные, душою расцветая...»

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Н. Ф. КОШАНСКОГО

1. Амарилла // Новости русской литературы. 1803. М., Унив. тип., изд-м Любия, Гария и Попова, 1803, ч. VIII, № 99, с. 321–333.
2. Аполлон Бельведерский (из Винкельмана) // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., 1807, кн. III, с. 35–38.
3. Басни Федра, изданные Кошанским, профессором Лицея. СПб., Мед. тип., 1814; 2-е

изд. под назв.: Басни Федра, с примечаниями и словарем. Изд. 2-е, учебное, очищенное. *Н. Кошанского*. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1832, 148 с.

4. *Бланшар П.* Фелиция Вильмар. Фелиция Вильмар, или Изображение человеческой жизни: Роман г-на Бланшарда / Пер. с франц. А. Чеботарев и Н. Ф. Кошанский: В 3 ч. М., Унив. тип., 1805.

5. *Буле И. Ф.* О лучшем способе, как можно писать историю тех народов, кои, по общему мнению, прежде девятого века населяли, или переходили Российские, особенно южные земли. Читанная в торжественном собрании Императорского Московского университета июня 30 дня 1806 года, надв. сов., права естественного и народного проф. п. о. и Геттингенского ученого общества корр., Иваном Феофилом Буле / Пер. с лат. *Н. Кошанский* // Московский университет. [Речи, отчет и стихи...]. М., Унив. тип., 1806, с. 3–32.

6. *Буле И. Ф.* Журнал изящных искусств, издаваемый на 1807 год И. Феоф. Буле, надворным советником и профессором публичным ординарным при Императорском Московском университете / Пер. Н. Ф. Кошанский: В 3 кн. М., Унив. тип., 1807.

7. Взгляд на историю искусств // Соревнователь просвещения и благотворения (№ 4, 5, 6, 1821). Труды высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. 1821. СПб., 1821, ч. XIV, с. 3–25, 117–145, 259–272. (Подписано *Н. Кошанский*).

8. *Жанлис С. Ф.* Рыцари лебедя или двор Карла Великого: В 6 ч. / Пер. *Н. Ф. Кошанского*. М., Унив. тип., 1807–1808. (Историч. роман. Сочинение г-жи Жанлис, изданное *В. Ф. и Н. Ф. Кошанскими*.)

9. Зефир и Флора / Пер. с фр. М., 1800 (Либретто балета Дюкло; указ. у: Малейн 1901²⁹, с. 3, прим. 2)³⁰.

10. Каков должен быть истинный художник? // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., 1807, кн. III, с. 18–34. Перепечатана под названием „Образование художника“ // Сын Отечества. 1818, ч. 50, № 51, с. 241–257.

11. Корнелий Непот. О жизни славнейших полководцев: с замечаниями, хронологическою таблицей и двумя словарями 1) для географии; 2) для слов. Издание учебное, очищенное, *Н. Кошанского*, доктором философии, надворным советником и профессором Лицея. СПб., Мед. тип., 1816, 268 с.

2-е изд. То же. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1824, 210 с.

3-е изд. То же. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1840, 210 с.

То же. Изд. учеб., очищ. СПб., Тип. Акад. наук, 1849, 207 с. Указание на повторность издания отсутствует.

12. Лаокоон (из Винкельмана) // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., Унив. тип., 1807, кн. III, с. 39–43.

13. Латинская грамматика с примерами для чтения (по руководству Брэдера) *Николаем Кошанским*, надворным советником и доктором философии при Императорском Московском университете. М., Унив. тип., 1811, 282 с.

2-е изд. (при фамилии Кошанского уже стоит „профес. Лицея“) СПб., Мед. тип., 1815.

с 3-го изд.: Латинская грамматика с примерами для чтения и словарем. Изданная... профес. Императорского Царскосельского лицея Ст. Сов. и Кав. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1823, 234, 84 с.

4-е изд. То же. СПб., 1834, 134, 90, 102 с.

5-е изд. То же. СПб., 1834, 225, 80 с.

6-е изд. То же. СПб., Имп. Акад. наук, 1835, 296 с.

7-е изд. То же. СПб., 1836.

²⁹ См.: Библиографию работ о Н. Ф. Кошанском (№ 44).

³⁰ Малейн также указывает, что согласно формулярному списку Кошанский сотрудничал в „Русском вестнике“ и „Journal de la Société des Naturalistes à Moscou“, но ему не удалось обнаружить его работ (Малейн 1901, с. 44, прим. 2).

- 8-е изд. То же. СПб., 1837, 182, 72 с.
- 9-е изд. То же. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1839, 128 с.
- 10-е изд. То же. СПб., 1842, 216, 72 с.
- 11-е изд. То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1844, 180, 66 с.
14. На смерть Биона. С греческого (Посвящено памяти З. А. Буринского) // Вестник Европы. 1809. М., Унив. тип., 1809, ч. XLIV, апрель, № 7, с. 170–181
15. На смерть графини Ожаровской. [Б. м.], [1814]; напечатано также в журнале: Вестник Европы. 1814, ч. 78, № 23, с. 228–229.
16. На смерть ее сиятельства княгини А. Д. Касаткиной-Ростовской // Новости русской литературы. 1802. М., Унив. тип., 1802, ч. IV, № 95, с. 269–271.
17. Начальные правила русской грамматики: В пользу воспитанников Университетского благородного пансиона. М., Унив. тип., 1807, 73 с.; М., Унив. тип., 1809, 98 с.
со 2-го изд.: Для благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Унив. тип., 1814, 73 с.³¹
- 3-е изд. То же. М., Унив. тип., 1816, 73 с.
- 4-е изд. То же. М., Унив. тип., 1818, 93 с.
- 6-е изд. То же. М., Унив. тип., 1822, 93 с.³²
- 7-е изд. То же. М., Тип. С. Селивановского, 1829, 96 с.
- 8-е изд. То же. С изд. 1829, без испр., М., Тип. С. Селивановского, 1833.
- 9-е изд. То же. М., Тип. С. Селивановского, 1843, 118 с.
18. На кончину Михайла Никитича Муравьева // Вестник Европы. 1807. М., Унив. тип., 1807, ч. XXXV, № 19, с. 189–196.
19. О преимуществах русского слова. Речь, произнесенная *Николаем Кошанским*, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности. СПб., 1811, с. 13–32.
20. О русском синтаксисе // Труды Высочайше утвержденного Вольного общества любителей российской словесности. 1819. СПб., 1819, ч. XIV, с. 86–118.
21. Общая реторика *Н. Кошанского*. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1829, 152 с.
- 2-е изд. То же. СПб., Имп. Акад. наук, 1830, 125 с.
- 3-е изд. То же. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1834, 131 с.
- 4-е изд. То же. СПб., 1836, 130 с.
- 5-е изд. То же. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1838.
- 6-е изд. То же. СПб., 1839.
- 7-е изд. То же. СПб., 1840.
- То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1842, 118 с.
- 9-е изд. То же. СПб., Тип. Деп. воен. поселений, 1844, 106 с.
- 10-е изд. То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1849, 120 с.
22. Памятник Пожарскому и Минину, назначенный в Москве // Журнал изящных искусств, издаваемый И. Ф. Буле. М., 1807, кн. II, с. 51–64.
23. Правила, отборные мысли и примеры латинского языка с кратким словарем: В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Унив. тип., 1807, 68 с.
24. Природа (стихотворение было прочитано в Обществе испытателей природы). М., 1810 (см.: Малеин 1901, с. 44 [им не найдено]).
25. Путешествие Пифагора / Пер. с фр.: В 3 т. М., 1803–1804³³ (указано у: Малеин 1901, с. 3, прим. 2).
26. Руководство к познанию древностей, Г. Ал. Миленя, смотрителя древностей при Национальной Библиотеке, профессора истории и древностей и члена обществ:

³¹ Раздел „Правописание“ (с. 57–73), отсутствующий в предыдущих изданиях, возможно, принадлежит И. И. Давыдову (Малеин 1901, с. 11).

³² Добавлены разделы „Примеры синтаксической согласовки“ (с. 74–80) и „Словосочинение“ (с. 81–93).

³³ В каталоге РГБ есть: Путешествия Пифагора, знаменитого самосского философа, или Картина древних славнейших народов, изображающая их происхождение... М., 1804–1810.

Натуральной истории и Филоматического в Париже, Академии редкостей в природе в Эрлангене, члена Академии Дублинской, Линнеева общества в Лондоне, Медицинского в Брюсселе и Общества физических наук в Цюрихе, изданное с прибавлениями и замечаниями, в пользу учащихся в Императорском Московском университете, *Николаем Кошанским*, изящных наук магистром и философии доктором. М., Унив. тип., 1807, 131 с.

27. Ручная книга Древней Классической Словесности, содержащая: I. Археоло-гию, II. Обзорение классических авторов, III. Мифологию, IV–V. Древности греческие и римские, собранная Эшенбургом, умноженная Крамером и дополненная Н. Кошанским: В 2 т. СПб., Тип. В. Плавильщикова, 1816–1817.

28. Сокращение священной истории. *Epitome Historiae Sacrae*. С замечаниями, показанием правил и словарем. Изд. учебное. *Н. Кошанского*, докт. фил. надв. сов. и профес. Лицея. СПб., Тип. Деп. нар. просвещ., 1818, 115 с.; 2-е изд. – 1824.

29. Таблица латинской грамматики с примерами: для благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Унив. тип., 1809, 47 с. Прибавление к таблице латинской грамматики, или Словарь неправильных имен и глаголов, с синтаксическими примерами: В пользу благородных воспитанников Университетского пансиона. М., Унив. тип., 1810, 25 с.

30. Таблица латинской грамматики. Изданная для воспитанников Императорского Царскосельского лицея и его Пансиона, профессором Кошанским. СПб., Тип. В. Плавильщикова, 1817, 16 с.

31. Учебная книжка на латинском и французском языках. В пользу благородных воспитанников Унив. пансиона. М., Унив. тип., 1809, II, 127 с.

32. Цветы греческой поэзии. Изданные Николаем Кошанским, доктором философии, надворным советником и профессором российской и латинской словесности при Императорском Царскосельском Лицее. М., Унив. тип., 1811. XXVIII, 363 с.

33. Частная реторика *Н. Кошанского*. СПб., Имп. Акад. наук, 1832, 162, XII с.; 1 л. табл.

2-е изд. То же. СПб., 1835, 151, XI с.

3-е изд. То же. СПб., Тип. Мед. деп. М-ва внутр. дел, 1836, 165, XI с.

4-е изд. То же. СПб., 1837, 163, XI с.

5-е изд. То же. СПб., 1840.

6-е изд. То же. СПб., Тип. Деп. воен. поселений, 1845, 141, IX с.

7-е изд. То же. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1849, 151, XI с.

34. *Illustratio Mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eum spectantium, quam amplissimi Philosophorum ordini ad consequendum Doctoris Philosophiae gradum instituit Nicolaus Koschansky A.A.L.L. Magister. Mosquae, 1806*³⁴.

³⁴ Рецензию на данную докторскую диссертацию Кошанского И. Т. Буле, переведенную, возможно, Кошанским же, см. в: Московские ученые ведомости. 1807, № 9, суббота 2 марта (указ. у: Малеев 1901, с. 5).

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ О Н. Ф. КОШАНСКОМ³⁵

1. Альбом Пушкинской юбилейной выставки в Императорской Академии наук в Спб. / Под ред. Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевского. М., 1899, л. 19 (карикатурное изображение Кошанского, единственный его „портрет“).
2. *Аннушкин В. И.* Кто же составитель анонимной „Теории словесности“ 1851–60 годов? // Риторика. Специализированный проблемный журнал. 1996, № 1(3), с. 107–114, 121–122.
3. *Аннушкин В. И.* Эволюция предмета риторики в истории русской филологии (XI – середина XIX вв.): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1997, с. 10, 16, 17, 22, 46, 48, 49, 51, 313, 314, 328–330, 332, 335–337, 341–345, 352, 355–358, 365, 367, 369, 374–379, 382–384, 386–388, 391, 392, 394, 398, 404–406, 413, 419, 423, 430, 431, 436.
4. *Аннушкин В. И.* История русской риторики. М., 2002, с. 298–319.
5. *Аннушкин В. И.* Русская риторика: исторический аспект: Учебное пособие. М., 2003, с. 247–248, 259–261, 265–267, 271, 272–274, 279, 282, 283–284, 292, 294–295, 299–303, 307–311, 313, 315, 316, 319, 325, 326, 332.
6. *Аннушкин В. И.* Николай Федорович Кошанский (1784 или 1785–1831) // <http://www.portal-slovo.ru/philology/37060.php>.
7. *Аннушкин В. И.* Язык-речь-слово в филологических науках пушкинского времени // <http://www.portal-slovo.ru/philology/37063.php>.
8. *Аннушкин В. И.* Предмет риторики и культуры речи в составе речеведческих и общегуманитарных дисциплин // <http://www.portal-slovo.ru/philology/39042.php>.
9. *Аннушкин В. И.* Образ человека в русской классической и современной риторике // <http://www.portal-slovo.ru/philology/39044.php>.
10. *Аннушкин В. И.* Русская риторика в свете русской истории // <http://www.portal-slovo.ru/philology/45655.php>.
11. *Атика Галиб.* Развитие концепции риторики в русской и французской филологии XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1994, с. 113–115, 117–118, 120–134.
12. *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1890, кн. III, с. 166–167 (о деятельности Комитета рассмотрения учебных пособий в связи с написанной по поручению Комитета „Риторикой“ Мерзлякова и „Общей риторикой“ Кошанского).
13. *Белинский В. Г.* Общая риторика, Н. Кошанского. 6-е изд. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1839, в 8°, 130 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 3, 1953, с. 272–275. *См. также рецензию:* О развитии изящного в искусствах и особенно в словесности. Соч. Михаила Розберга, докт. филос. и пр. Там же, с. 278.
14. *Белинский В. Г.* Общая риторика. Н. Кошанского. 7-е изд. СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1840, в 8°, 130 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 4, 1954, с. 407. *См. также:* Русская литература в 1840 г. Там же, с. 430.
15. *Белинский В. Г.* Разделение поэзии на роды и виды // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 5, 1954, с. 47.
16. *Белинский В. Г.* Общая риторика Н. Ф. Кошанского. 9-е изд. СПб., Тип. Деп. воен. поселений, 1844, в 8°, 106 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 8, 1955, с. 503–514. *См. также:* Русская литература в 1843 году // Там же, с. 49; рецензии на детские издания „Леди Анна или Сирота“, „Чтения для детей первого возраста“ и т. д. // Там же, с. 603.
17. *Белинский В. Г.* Общая риторика Н. Кошанского. 7-е изд.³⁶ СПб., Тип. Имп. Акад. наук. 1842, в 8°, 118 с. // Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953–1959, т. 6, 1955, с. 445–446.

³⁵ Библиография работ о Н. Ф. Кошанском и работ, где встречаются сведения о нем.

³⁶ И здесь, и в т. 4, с. 407 рецензируется 7-е изд., поскольку их было два: 7-е изд., СПб., Тип. М-ва внутр. дел, 1840; и то же: СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1842.

Также: с. 445, прим. 4, с. 758–759; см. также: рецензию на „Руководство к изучению русской словесности...“ П. Георгиевского, 2-е изд., 1842, Там же, с. 347.

18. *Белинский В. Г.* Частная риторика, Н. Кошанского. 6-е изд., Тип. Деп. воен. поселений, 1845, в 8°, 141 и IX с.; Умозрительные и опытные основания словесности в IV частях: Соч. А. Глаголева. 2-е изд. СПб., Тип. Губернского правления, 1845, в 8°, в I части – VIII и 22 с., во II – 97 с., в III – 67 с., в IV – 96 с. // Полн. собр. соч. М., 1953–1959, т. 9, 1955, с. 318–322. Также: с. 318, прим. 1, с. 752; с. 474, прим. 1, с. 768 (полемика Белинского с Д. П. Голохвастовым); с. 326.

19. *Белуха-Кохановский М. А.* Воспоминания царскосельского лицеиста, 1820–1826 гг. Сообщ. М.А. Белуха-Кохановский // Русская старина. 1890, т. 65, март, с. 841–842.

20. *Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX в. 3-е изд. М., 1982, с. 275.

21. *Виноградов В. В.* О художественной прозе // Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 109.

22. *Волков А. А.* Курс русской риторики: Пособие для учебных заведений. М., 2001, с. 7, 10.

23. *Волков А. А.* Теория риторической аргументации. М., 2009, с. 67–68.

24. *Волков А. А.* История риторических идей // <http://www.portal-slovo.ru/philology/45601.php>.

25. *Вольперт Л. И.* Пушкин и Лабрюйер // Вопросы методики и истории литературы. Псков, 1971, с. 102, 110, 111.

26. *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1829 г. по 1853 г. СПб., 1854, с. 324; 326, прим. 2; 327, прим. 4; 331 (о деятельности Кошанского в Комитете рассмотрения учебных пособий при МНП, в т.ч. по составлению букваря и „Реторик“).

27. *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863, т. 97, № 7, с. 132–134, 149–150, 153, 164; № 8, с. 349, 393–394, 397.

28. *Голицын Н. С.* Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея 1814–1829. СПб., 1869, с. 24, 64, 79, 130, 131, 140, 183. (Отрывок из нее со с. 183 цитируется у Я. К. Грота в кн. „Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“ на с. 43–44).

29. *Голубков В. В.* „Общая риторика“ Н. Ф. Кошанского // Русский язык в школе. 1941, № 2, с. 74–80.

30. *Граудина Л. К., Миськевич Г. И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1989, с. 127–133.

31. *Грот К. Я.* Пушкинский лицей (1811–1817): Бумаги 1 курса, собр. акад. Я. К. Гротом: С прил. портр., факс. и рис., а также некоторых бумаг III и VI курсов. СПб., 1911, с. 37, 42, 43, 80, 123, 126–136, 192, 203–205, 230, 301, 319, 356, 416, 417, 422, 424, 434, 435, 444.

32. *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники: Статьи и материалы Я. Грота. 2-е изд. СПб., 1899, с. 2, 7, 18, 21, 22, 32, 33, 34, 39, 41–45, 46, 60, 61, 142, 190, 219–220, 225–226, 228, 237, 270, 294.

33. *Грот Я. К.* Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым. СПб., 1896, т. I, с. 672; СПб., 1896, т. III, с. 194, 195, 197–198.

34. *Данилов В. В.* Стихотворение „Цель нашей жизни“, приписываемое Пушкину // Пушкин. Исследования и материалы: Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953³⁷, с. 301, 302, 303–308, 311, 312.

35. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX вв. М., 2001, с. 100, 123, 126–128.

36. *Зарифьян И. А.* Теория словесности: Библиография и комментарий. М., 1990, с. 3,

³⁷ В связи с установлением авторства Пушкина, рассуждает о стихотворных (и прозаических) опытах, написанных лицеистами 1 курса на темы, заданные Кошанским; черты педагогической личности Кошанского и остроумный (в старом смысле слова) ответ на обвинения Корфа (автор соглашается скорее с точкой зрения Комовского, объясняя ее); анализируется отношение Пушкина к Кошанскому.

15–16, 17, 19–25, 41, 56.

37. Из материалов Пушкинского Лицея (Публ. Н. Н. Петруниной) // Пушкин: исследования и материалы. Л., 1989, т. XIII, с. 306–314.
38. *Кобеко Д.* Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811–1843. СПб., 1911, с. 25–26, 27, 28.
39. *Майков Л. Н.* О жизни и сочинениях К. Н. Батюшкова // Сочинения К. Н. Батюшкова. Изд. П. Н. Батюшковым, т. I–III. СПб., 1885–1887, т. I, 1887, с. 19, т. III, 1886, с. 616–617 (краткая биография Кошанского как знатока класс. словесности).
40. *Майков Л. Н.* Примечания к стихотворению „Моему Аристарху“ // Пушкин А. С. Сочинения. СПб., 1899, т. 1, с. 183–191, 198–199.
41. *Майков Л. Н.* Пушкин в изображении М. А. Корфа // Русская старина. 1899, т. 99, кн. 8 (август), с. 300.
42. *Малеин А. И.* Николай Федорович Кошанский. СПб., Тип. Имп. Акад. наук, 1901. Отт. из сб. „Памяти Л. Н. Майкова“. СПб., 1902, с. 177–220.
43. *Малеин А. И.* Пушкин и античный мир в лицейский период. Отдельный оттиск из журнала „Гермес“. СПб., 1912, с. 2–3.
44. *Мейлах Б. С.* Лицейские лекции (по записям А. М. Горчакова) // Красный архив. 1937, № 1, с. 129–203.
45. *Мейлах Б. С.* Пушкин и его эпоха. М., 1958, с. 654.
46. *Михайлова Н. И.* Пушкин-прозаик и риторика его времени // Болдинские чтения. Горький, 1978, с. 58, 64–66, 70, 71, 72.
47. *Михайлова Н. И.* Судьба „Реторик“ Н. Ф. Кошанского // Альманах библиофила. М., 1984, с. 211–224.
48. *Михайлова Н. И.* Творчество Пушкина и ораторская проза 1812 г. // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин-т русс. лит. (Пушкин. дом). Л.: Наука, Ленингр. отд., 1986, т. 12, с. 279.
49. *Михайлова Н. И.* Лицейский преподаватель А. С. Пушкина Н. Ф. Кошанский и его „Реторики“ // Русская словесность. М., 1998, № 3 (май-июнь), с. 8–14.
50. *Михайлова Н. И.* „Витийства грозный дар...“: А. С. Пушкин и русская ораторская культура его времени. М., 1999, с. 5, 15, 27, 35, 40, 76, 77, 189, 194–195, 197, 244–247, 248, 253, 262, 294, 296–297, 299, 304, 306–310, 325–326, 328, 349, 357, 362, 371.
51. Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–1857 год. СПб., 1856, с. 142–160 (биография Н. Ф. Кошанского в разделе „Материалы для истории Лицея“).
52. *Петров Ф. А.* Российские университеты в I половине XIX в. Формирование системы университетского образования. М., 1998, кн. 1: Зарождение системы университетского образования в России, с. 66, 202, 225, 232, 420; М., 1998, кн. 2: Становление системы университетского образования в России в первые десятилетия XIX в., ч. 1, с. 201, прим. 69.
53. *Петров Ф. А.* Немецкие профессора в Московском университете. М., 1997, с. 80–88 (о И. Ф. Буле), 87–88 (о Кошанском).
54. *Пиксанов Н. Н.* Ф. Кошанский // Библиотека великих писателей. Пушкин / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1907–1915, т. 1, 1907, с. 250–259.
55. *Пуцин И. И.* Записки о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974, т. 1, с. 82, 84.
56. *Равкин З. И.* Педагогика Царскосельского лицея пушкинской поры (1811–1817 гг.): Историко-педагогический очерк. М., 1999, с. 43, 44, 52, 60, 73, 84–89, 93.
57. *Рождественский Ю. В.* Теория риторики. М., 1997, с. 79, 87, 444.
58. *Рубец А. А.* „Наставникам, хранившим юность нашу...“. Памятная книжка чинов Императорского Александровского, бывшего Царскосельского, Лицея, с 1811 по 1911 год. СПб., 1911, с. 263–278 (биография, перепечатана из: Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–57 гг.“. СПб., 1856 г.).

59. Русский биографический словарь. Издан под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического общества А. А. Половцова. СПб., 1903, т. 9, с. 383–385.
60. Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. М., 1994, т. 3, с. 116–117.
61. *Селезнев И. Я.* Материалы для истории Лицея. По поручению начальства собранные библиотекарем Лицея И. Селезневым. 1856 года [Учреждение Имп. Лицея и первые шесть лет его существования] // Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1856–1857 год. СПб., 1856, с. 27, 28, прим. 18 на с. VIII–IX, прим. 20 на с. XI, 41, 43, 65, 66, 82, 93.
62. *Селезнев И. Я.* Исторический очерк императорского бывшего Царскосельского, ныне Александровского, Лицея. К пятидесятилетию юбилею 19 октября 1861 г. СПб., 1861, с. 20, 31–32, 44, 46–47, 58, 59, 60, 61, 62, 80, 95–96, 97–101, 250, 261.
63. Словарь членов ОЛРС при Императорском Московском университете. 1811–1911. М., 1911, с. 150–151.
64. *Стоюнин В. Я.* Исторические сочинения. СПб., 1881, ч. II: Пушкин, с. 19, 26, 33, 64.
65. *Сушков Н. В.* Московский Университетский благородный пансион и воспитанники Московского университета, гимназий его, Университетского благородного пансиона и Дружеского общества. 2-е изд. М., 1858, с. 34, 43; „Приложения“, с. 54.
66. *Томашевский Б.* Пушкин. Опыт изучения творческого развития. М.; Л., 1956, кн. 1, с. 678–682.
67. *Филонов А. Г.* Учебники по теории прозаических сочинений // ЖМНП. 1860, ч. 106, апрель (№ 4), с. 23–48, в т. ч. об „Общей риторике“ Н. Кошанского – с. 26–28, о „Частной риторике“ – с. 39–41. *В продолжение ст.: Русские учебники по словесности, изданные в последнее время // ЖМНП. 1861, ч. 109, февраль (№ 2), с. 99–123; о риторике Кошанского см. с. 106–108; 1861, март (№ 3), с. 127–149 (здесь общие выводы к обеим работам); об учении Кошанского особенно см. с. 130, 133, 134, 136–137, 140, 141–143, 145.*
68. *Хлопников А. М. Н. Ф.* Кошанский и его время // История философии. М., ИФ РАН, 2000, вып. 6, с. 118–137.
69. *Черняев П. Н.* А. С. Пушкин как любитель античного мира и переводчик древнеклассических поэтов. Казань, 1899, с. 7–13, 50, 51, 67.
70. *Шевырев С. П.* История Императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогики Степаном Шевыревым. 1755–1855. М., 1855, с. 306, 344–345, 348, 361, 376, 379, 383, 399.
71. *Шляпкин И. А.* К биографии А. С. Пушкина. (Лицейские и другие материалы) И. А. Шляпкина // Памятная книжка Императорского Александровского лицея на 1898/9 г. СПб., 1899, с. 57, 60, 63, 64, 65.
72. Энциклопедический словарь. Брокгауз и Эфрон. СПб., 1895, т. 26, с. 466–467.
73. Энциклопедический словарь Т-ва „Бр. А. и И. Гранат и Ко“. 7-е изд. М., б/г, т. 25, с. 325–326.
74. *Якубович Д. П.* Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л., 1941, вып. 6, с. 96–107, 108, 110, 113, 114, 118, 120, 132–135, 136–137, 145, 151, 152–153, 154.
75. *Яхонтов А. Н.* Исторический очерк Императорского Александровского (б. Царскосельского) лицея. Составлен лицеистом LV курса А. Н. Яхонтовым. Париж, 1936, с. 10–13 (*описание Акта торжественного открытия лицея*).